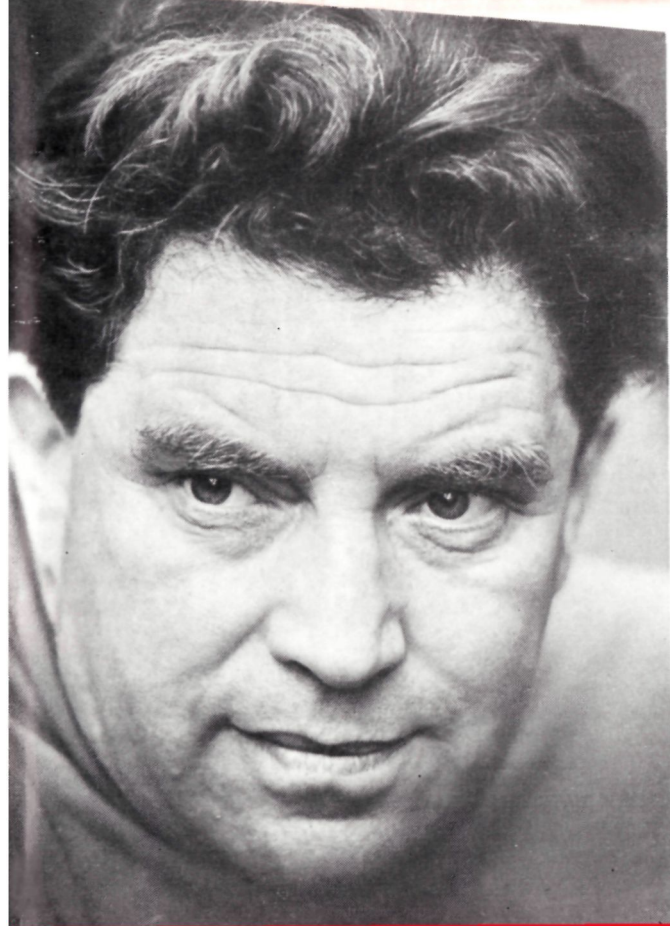

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

СТИХИ

ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ

МАСТЕРА ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Лев Владимирович Гинзбург — один из виднейших советских переводчиков немецкой классической и современной поэзии. В его переводах русский читатель впервые познакомился с немецкими народными балладами, с лирикой вагантов, с величественным «Парцифалем» Вольфрама фон Эшенбаха

(XIII в.), с поэзией немецкого «барокко» — гражданской лирикой времен Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. Львом Гинзбургом, также впервые, открыты на русском языке юношеские стихи Шиллера с их фольклорной основой, заново, глазами нашего современника, прочитаны поэмы Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих», масленичные представления Ганса Сакса, шиллеровская народная драма «Лягерь Валленштейна» — произведения, прочно связанные с немецкой народной поэзией, с народной основой.

Ученик С. Я. Маршака, Л. Гинзбург тяготеет к народному стиху, к простодушной, живой интонации, к подчас грубоватому юмору ярмарочных баллад, песен, куплетов, к лексической сочности, и ему же родствен проникновенный лиризм, высокое кипение страстей, гражданственный пафос политической поэзии, что особенно проявилось в его переводах из антифашистских поэтов.

За выдающиеся достижения в поэтическом переводе Льву Гинзбургу присуждена высшая литературная награда Германской Демократической Республики — премия имени Иоганнеса Бехера.

Лев Гинзбург — автор ряда документально-художественных антифашистских книг, публицистических выступлений.

М А С Т Е Р А П О Э Т И Ч Е

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

**П. АНТОКОЛЬСКОГО, Е. ВИНОКУРОВА,
В. ОГНЕВА и Е. СОЛОНОВИЧА**

ВЫПУСК 20

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС”

С К О Г О П Е Р Е В О Д А

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

**СТИХИ
НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ
В ПЕРЕВОДЕ**

**Льва
Гинзбурга**

МОСКВА 1976

Предисловие

МАРГАРИТЫ АЛИГЕР

Все произведения, включенные в настоящий сборник,
изданы на языке оригинала до 27 мая 1973 г.

© Составление и предисловие «Прогресс» 1976

Г $\frac{70404-233}{006(01)-76}$ 145-75

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале сорок восьмого года в Москву, едва опаматовавшуюся после войны, приехала первая, весьма представительная делегация писателей из Восточной Германии. Гостей принимал Союз советских писателей, и разнообразная программа их пребывания в Москве предусматривала и встречу со студентами-германцами Московского университета.

Попробуйте себе представить сегодня Московский университет на третьем послевоенном году. Он теснился со всеми своими факультетами в двух старых зданиях на Моховой — только весной того же сорок восьмого года будет принято решение о строительстве нового здания университета и определено место строительства — Ленинские горы. А пока суд да дело, Московский университет был переполнен до отказа стосковавшимися по учебе фронтовиками, и возрастной состав студентов был старше обычного на несколько лет войны. Вот к ним-то и приехали три представителя делегации: старый всемирно известный Бернгард Келлерман, Анна Зегерс и Стефан Херmlin, относительно молодой поэт, имеющий за плечами достаточно серьезную биографию: комсомольское подполье в гитлеровском Берлине, гражданская война в Испании и, наконец, французское Сопротивление.

Когда обсуждались программа и порядок встречи, кто-то из руководства романо-германского отделения филологического факультета сказал, что один из студентов переводит стихи современных немецких поэтов и не заинтересует ли его работа гостей. В этом случае он, пожалуй, мог бы выступить со своими переводами. Предложение было, разумеется, горячо принято, и тотчас же появился вышеназванный студент: невысокого роста,

однако крепкий и плотный молодой человек, с копной густых томных волос. На отличном немецком языке он подтвердил все вышесказанное, добавив, что мог бы прочитать в своем переводе стихотворение одного из присутствующих гостей: «Балладу о даме Надежде» Стефана Хермлина. И тотчас же возникло предложение послушать стихи сперва в подлиннике, в исполнении автора, а уж затем в переводе.

— Но у меня нет с собой книги, — смутился Херmlin, — а на память я своих стихов, к сожалению, не помню.

— Я помню ваше стихотворение, я выучил его наизусть, делая перевод, — заявил молодой человек и тотчас же, усевшись в сторонку, принялся писать. Через несколько минут пораженный автор держал в руках свое стихотворение и программа была выполнена неукоснительно: сперва стихи прочел поэт, а вслед за ним свой перевод огласил переводчик. Его звали Лев Гинзбург, и то было его первое публичное выступление. В тот далекий вечер молодой переводчик сделал свой первый шаг по избранному пути, и никогда ему за последующие затем долгие годы жизни и работы не пришлось пожалеть об этом шаге.

Лев Гинзбург ничем, собственно, не отличался и не выделялся среди прочих московских студентов первых послевоенных лет. Как большинство из них, он был солдатом. За два года до войны, едва закончив десятилетку и отлично сдав приемные экзамены в Московский институт философии, литературы и истории, мальчик из интеллигентной семьи, с детства владеющий немецким языком и увлеченный немецкой поэзией, был призван в армию на срочную службу и в высоком звании рядового солдата отправлен на границу. Нет, не на ту, что была нарушена в ночь с 21 на 22 июня солдатами того языка, который он любил с детства. Волею судеб он уехал в противоположном направлении, на восток, и там, в стрелковом полку, в укрепленном районе на Амуре, прослужил шесть лет.

Вокруг него было множество людей, пришедших из разных краев нашей огромной и многоязычной страны. Они стали на

много лет его друзьями, его средой, и это общение сделало его много сильнее и богаче. Он научился лучше понимать людей и их судьбы. Он с каждым днем приобретал новый опыт чувств и жадно впитывал густоту восприятия жизни. Для него было увлекательно и драгоценно непосредственное соприкосновение с русским языком во всем его богатстве, и он увлеченно воспринимал все, что окружало его, жило, волновалось, звучало вокруг. Разумеется, он писал стихи — он писал их с детства — и публиковал их в армейской печати. Он понимал и отлично знал читателей своих стихов, и это знание требовало от него простоты и доходчивости, выразительности и отчетливости. Так выработывался поэтический почерк. Так завоевывалось первое признание. Но никогда не забывался немецкий язык, и, вероятно, не раз, чтобы скоротать долгие, медленно идущие часы приграничного быта, юноша читал самому себе на память стихи великих немцев. И задумывался о том, сколь отличны они от судьбы, постигшей народ этих мудрых и добрых поэтов-мыслителей. Предмет его раздумий был гораздо объемнее собственно немецкой поэзии — он думал о природе искусства, о его неотделимости от гражданской совести, от судьбы общества. Он пытался сопрячь эти великие величины, вникнуть в их связь и взаимопроникновения и с тревогой думал о возможности существования истинной поэзии в условиях фашистского режима.

Мудрено ли, что, вернувшись в Москву, он кинулся в библиотеки, и лишь в изданиях, выходивших в эмиграции и в подполье, отыскал ответ на свои недоумения — поэзию немцев-антифашистов, полную душевной боли и гнева, — и глубоко взволнованный ею, захотел поделиться своим волнением с чутким русским читателем поэзии. Для этого нужно было заставить немецкие стихи зазвучать на русском языке, стать русскими стихами. Подобную задачу можно решить, только испытывая в ее решении острую, насущную потребность. Только при этом условии рождается полноценный, полнозвучный, полноправный перевод. Только при этом условии появляется истинный переводчик. Таким

переводчиком немецкой поэзии стал молодой Лев Гинзбург.

Счастливым тем, что немецкая поэзия не обманула его надежд и догадок и не разочаровала его, ибо никогда и ничем не служила фашизму, всеми силами стремясь преградить ему путь и в годы его торжества и разгула уберечь хоть в стихах достоинство немецкого народа, выразить презрение к тому пути, на который толкал его фашизм, веру в лучшее будущее Германии, молодой переводчик взялся за работу. Он переводил страстную поэзию Бехера, беспощадные сатиры Вайнерта, полные жизненных сил песни Кубы, глубокую лирику Хермлина. Его переводы быстро заметили и оценили читатели. Одним из них оказался Самуил Яковлевич Маршак. Он обрадовался встрече с талантливыми переводами и разыскал их автора. Они подружились, и эта дружба на долгие годы стала для молодого переводчика замечательной школой. Удачу Гинзбурга взволнованно приветствовали и авторы, поэты демократической Германии, для которых было настоящим торжеством, что русский читатель узнал, как и чем жили они, во что верили и чему служили все эти темные и страшные годы. Радостно встреченный и поддержанный ими, молодой переводчик вступил в многозвучный и многодумный мир немецкой поэзии. Этот мир издавна привлекал к себе таких великих русских поэтов и мастеров перевода, как Жуковский, Дельвиг, Лермонтов, Тютчев, Тургенев, А. Толстой, и многих, многих других. Гинзбургу было у кого учиться, как переводить немцев, но в стихии немецкой поэзии было еще много звучаний, почти не нашедших эквивалента в русских переводах. Если романтическая поэзия Германии была представлена достаточно полно и политическая поэзия XIX века нашла в России блестящих интерпретаторов, то народная, демократическая поэзия немецкого средневековья, барочность поэзии позднего Возрождения, бесконечное многообразие немецкого фольклора требовали более глубокого новаторского осмысления.

Утвердившись в чистоте и безупречности позиции германских современников, окрыленный первыми несомненными удачами,

освоившийся на новой земле, Гинзбург двинулся дальше, вперед. Да, для него это было продвижением вперед, но углублялся он, в сущности, назад, в великие классические глубины немецкой поэзии. Он пробует силы в переводах из Генриха Гейне и Шамиссо... Он переводит баллады и «Валленштейна» Шиллера и философскую лирику Гёте. И с каждой новой попыткой, с каждой удачей и неудачей — ибо без неудач мы не распознавали бы удач — он становится увереннее, ощущает себя сильнее и от-важней. Глубже становится его знание языка и понимание народа, который говорит на этом языке и творит его; глубже его представления о судьбе и истинной сущности этого народа, его настоящего и прошлого. Он прочно связан со своими друзьями, современными немецкими поэтами, следит за их работой, которую они во всех аспектах посвящают одной высокой задаче — восстановлению доброго имени, чести и достоинства родного народа.

В 1954 году в ГДР вышла большая антология «Слезы отечества — немецкая поэзия XV—XVII столетий». В этой книге Иоганнес Бехер, предваривший стихи своим предисловием, собрал воедино крупнейших поэтов Тридцатилетней войны, убедительно доказывая высокую гражданственность этой истинно политической поэзии. Его позиция и трактовка поэтов той поры глубоко увлекла Льва Гинзбурга, и он занялся этими новыми для него страницами немецкой поэзии и выпустил через несколько лет свое «Слово скорби и утешения. Немецкая поэзия времен Тридцатилетней войны 1618—1648 годов». Эта книга — поразительный документ одного из самых страшных тридцатилетий Германии, когда поэзия, однако, звучала очень слышно и выдвинула имена и голоса, которые звучат и до сих пор. Тридцать кровавых лет войны поэзия Германии рыдала. Именно рыдала, а не хныкала не ныла, и рыдания ее дошли до наших дней и странным образом оказались созвучными времени. «Читая старые, трехсотлетней давности, строки, испытываешь странное чувство. О ком и о чем эти стихи? О сожженном в 1637 году Фрайштадте или о современном Дрездене, сгоревшем в ночь на 13 февраля

1945 года? Триста или всего лишь восемнадцать лет назад были оплаканы могилы обманутых немецких юношей, погибших в войне за неправоё дело», — пишет Лев Гинзбург в своем предисловии к книге, вышедшей еще в 1963 году. Для него столь прямые связи прошлого и будущего Германии абсолютно и органично определены преемственностью ее поэтического наследия, лучших его страниц.

«Тому, кто хочет узнать немцев с лучшей стороны, я советую прочитать их народные песни...» — читает Гинзбург у Гейне и воспринимает эти строки как обращение лично к нему, — ведь он-то именно и хочет узнать немцев с лучшей сторонку и вот, оказывается, ему подсказан для этого путь. Скорей туда, в немецкую старину, к народной поэзии, к ее чистому истоку. И впереди уже открывается новая даль, полная столь неповторимой прелести, столь неповторимого своеобразия. Какое счастье, что ему удалось добраться сюда, до этих лесов и гор, полных песен и сказок!

Ему удастся пересказать их по-русски, он переведет несколько десятков немецких народных баллад и передаст в своем переводе их очарование, естественность и простоту их поэтической интонации, их справедливость и мудрость. Читая баллады, видишь словно воочию их творцов и героев: крестьян в домотканой одежде, нищих и веселых подмастерьев, лукавых, озорных школяров, хитроумных монахов, во имя жизни покинувших свои монастыри с их лицемерием и ханжеством. Они живут живой и бурной жизнью, любят и ненавидят, заступаются за невинных и грозят кулаком обидчикам и находят для выражения своих чувств столь живые и подлинные интонации, которые долгие годы будут служить немецкой поэзии, поэтам разных голосов и дарований. Они засверкают всеми своими гранями в великом «Фаусте», оттеняя и подчеркивая насыщенность и сложность безмерных гётевских стихов; они подскажут свои решения балладам и поэтическим повестям Шиллера; они станут бессмертной Лорелеей Гейне. В них столько душевной силы и

душевного здоровья, столько веры в возможности человека постоять за себя, за друзей и близких, за свое человеческое достоинство, что читатель с радостью соглашается с суждением Гейне.

«Работая долгие годы над изучением и переводом немецкой поэзии — классической и современной, — я стремился прежде всего к открытию материала еще неизвестного, неосвоенного или забытого», — сообщает своим читателям Гинзбург. «Так, мне повеселилось впервые соприкоснуться с лирикой немецких вагантов — безымянных бродячих школяров XI—XIII столетий...» Ваганты — бродячие школяры и странствующие монахи, кочующие со своими песнями по средневековой Европе — еще одна любопытная страница мировой поэзии, открытая для русского читателя Гинзбургом.

Мировая поэзия, истинная поэзия, всечеловеческая поэзия всех языков и эпох в основе своей неизбежно благородна и верпа глубоким идеалам и высоким принципам гуманизма. С истоков своих поэзия всегда воюет с неправдой и отстаивает правду, воспевает благородство и клеймит подлеца и обидчика. Вероятно, это заложено в самой ее природе, ибо поэзия возникает как выражение сильных, чистых и высоких чувств. Что-то я не припомню ни одного истинно поэтического произведения, которое воспевало бы негодяя и подлеца, сколь бы силен и могуществен он ни был. И немецкая поэзия во всей своей протяженности — великое тому подтверждение. И ее первоисточник — народное творчество, фольклор — начисто опровергает попытки немецкого национализма и расизма обосновать свои античеловеческие теории неким «арийским началом», «истинно немецким», якобы заложенным еще в немецкой старине, в немецком фольклоре. Для того чтобы понять всю несостоятельность этого доказательства, достаточно только узнать этот фольклор, вникнуть в эту старину, которая начисто лишена какой-либо национальной спеси, начисто свободна от какого-либо намерения утвердить свою национальную исключительность, национальное превосходство. Она удивительно человечна и всеобща, эта старина, столь отчетливо запе-

чатленная в народной поэзии, удивительно открыта и доступна всем народам, потому что преисполнена высокого чувства добра, справедливости, братства между народами. Тем она и драгоценна. Для меня работу Гинзбурга-переводчика отличает не только его постоянное стремление найти и перевести новое и донныне нам неизвестное, но и в тех случаях, когда он обращается к стихам, звучавшим уже по-русски в других переводах, он умеет по-своему услышать и передать немецкий лад стиха, особенности немецкого поэтического воображения — душу и смысл немецкой поэзии.

Проделав свой путь в обратном порядке — из послевоенной действительности в средневековье, — переводчик выстроил книгу так, как складывалась немецкая поэзия в столетиях, и получилась на диво стройная и полная картина. Книга эта — итог без малого трех десятилетий работы поэта. За эти годы Гинзбург глубоко проник во все обстоятельства существования немецкого народа и выступил в печати как серьезный и страстный публицист. Читателям запомнились и «Бездна», и «Потусторонние встречи», направленные против фашизма и в защиту немецкого народа.

Лев Гинзбург — переводчик в работе своей утверждает высокий дух, благородство и чуткую совесть немецкой поэзии. Она горячо опровергает фашизм, опровергает изнутри, издавна и навсегда.

В заключение мне остается добавить лишь то, с чего, пожалуй, следовало начать: Лев Гинзбург оказался талантливым поэтом, искусным, изобретательным, с отличным слухом, и все, что сумел он услышать и почувствовать в поэзии Германии, ему удалось непринужденно и свободно, многозвучно и разнообразно передать в отличных русских стихах.

Маргарита Алигер

ИЗ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ КНИГИ „ЛИРИКА ВАГАНТОВ“

ОРДЕН ВАГАНТОВ

«Эй, — раздался светлый зов, —
началось веселье!
Поп, забудь про часослов!
Прочь, монах, из кельи!»
Сам профессор, как школяр,
выбежал из класса,
ощутив священный жар
сладостного часа.

Будет нынче учрежден
наш союз вагантов
для людей любых племен,
званий и талантов.
Все — храбрец ты или трус,
олух или гений —
принимаются в союз
без ограничений.

«Каждый добрый человек, —
сказано в Уставе, —
немец, турок или грек,
стать вагантом вправе».
Признаешь ли ты Христа —
это нам не важно,

лишь была б душа чиста,
сердце не продажно.

Все желанны, все равны,
к нам вступая в братство,
невзирая на чины,
титулы, богатство.
Наша вера — не в псалмах!
Господа мы славим
тем, что в горе и в слезах
брата не оставим.

Кто для ближнего готов
снять с себя рубаху,
восприми наш братский зов,
к нам спеши без страху!
Наша вольная семья —
враг поповской швали.
Вера здесь у нас — своя,
здесь — свои скрижали!

Милосердьё — наш закон
для слепых и зрячих,
для сиятельных персон
и шутов бродячих,
для калек и для сирот,
тех, что в день дождливый
палкой гонит от ворот
поп христолюбивый;

для отцветших стариков,
для юнцов цветущих,
для богатых мужиков
и для неимущих,

для судейских и воров,
проклятых веками,
для седых профессоров
с их учениками,

для пропойц и забулдыг,
дрыгнувших в канавах,
для творцов заумных книг,
правых и неправых,
для горбатых и прямых,
сильных и убогих,
для безногих и хромых
и для быstroногих,

для молящихся глупцов
с их дурацкой верой,
для пропащих молодцов,
тронутых Венерой,
для попов и прихожан,
для детей и старцев,
для венгерцев и славян,
швабов и баварцев.

От монарха самого
до бездомной голи —
люди мы, и оттого
все достойны воли,
сострадания и тепла
с целью не напрасной,
а чтоб в мире жизнь была
истинно прекрасной.

Верен богу наш союз
без богослужений,

с сердца сбрасывая груз
тьмы и унижений.
Хочешь к всенощной пойти,
чтоб спастись от скверны?
Но при этом по пути
не минуй таверны.

Свечи яркие горят,
дуют музыканты:
то свершают свой обряд
вольные ваганты.
Стены ходят ходуном,
пробки — вон из бочек!
Хорошо запить вином
лакомый кусочек!

Жизнь на свете хороша,
коль душа свободна,
а свободная душа
господу угодна.
Не прогневайся, господь!
Это справедливо,
чтобы немощную плоть
укрепляло пиво.

Но до гробовой доски
в ордене вагантов
презирают щегольски
разодетых франтов.
Не помеха драный плащ,
чтоб пленять красоток,
а иной плясун блестящ
даже без подметок.

К тем, кто бос, и к тем, кто гол,
будем благосклонны:
на двоих — один камзол,
даже панталоны!
Но какая благодать,
не жалея денег,
другу милому отдать
свой последний пфенниг!

Пусть пропьет и пусть проест,
пусть продует в кости!
Воспретил наш манифест
проявления злости.
В сотни дружеских сердец
верность мы вселяем,
ибо козлиц от овец
мы не отделяем.

НИЩИЙ СТУДЕНТ

Я — кочующий школяр...
На меня судьбина
свой обрушила удар,
что твоя дубина.

Не для суетной тщеты,
не для развлечения —
из-за горькой нищеты
бросил я ученье.

На осеннем холоду,
лихорадкой мучим,

в драном плащике бреду
под дождем колючим.

В церковь хлынула толпа,
долго длится месса.
Только слушаю попа
я без интереса.

К милосердию аббат
паству призывает,
а его бездомный брат
зябнет, изнывает.

Подари, святой отец,
мне свою сутану,
и тогда я наконец
мерзнуть перестану.

А за душеньку твою
я поставлю свечку,
чтоб господь тебе в раю
подыскал местечко.

ПРОЩАНИЕ СО ШВАБИЕЙ

Во французской стороне,
на чужой планете,
предстоит учиться мне
в университете.
До чего тоскую я —
не сказать словами...
Плачьте ж, милые друзья,
горькими слезами!

На прощание пожмем
мы друг другу руки,
и покинет отчий дом
мученик науки.

Вот стою, держу весло —
через миг отчалю.
Сердце бедное свело
скорбью и печалью.
Тихо плещется вода,
голубая лента...
Вспоминайте иногда
вашего студента.
Много зим и много лет
прожили мы вместе,
сохранив святой обет
верности и чести.

Слезы брызнули из глаз...
Как слезам не литься?
Стану я за всех за вас
господу молиться,
чтобы милостивый бог
силой высшей власти
вас лелеял и берег
от любой напасти,
как своих детей отец
нежит да голубит,
как пастух своих овец
стережет и любит.

Ну, так будьте же всегда
живы и здоровы!

Верю: день придет, когда
свидимся мы снова.
Всех вас вместе соберу,
если на чужбине
я случайно не помру
от своей латыни,
если не сведут с ума
римляне и греки,
сочинившие тома
для библиотеки,
если те профессора,
что студентов учат,
горемыку школяра
на смерть не замучат,
если на смерть не уплюсь
на хмельной пирушке,
обязательно вернусь
к вам, друзья, подружки!

Вот и все! Прости-прощай,
разлюбезный швабский край!
Захотел твой житель
увидать науки свет!..
Здравствуй, университет,
мудрости обитель!
Здравствуй, разума чертог!
Пусть вступлю на твой порог
с видом удрученным,
но пройдет ученья срок —
стану сам ученым.
Мыслью сделаюсь крылат
в гордых этих стенах,
чтоб отрыть заветный клад
знаний драгоценных!

МОНАХИНЯ

Всей силой сердца своего
я к господу взывала:
«Казни того, из-за кого
монахиней я стала!»

За монастырскою стеной —
тоска и сумрак вечный.
Так пусть утешен будет мной
хотя бы первый встречный!

И вот, отринув страх и стыд,
я обняла бедняжку...
А бог поймет, а бог простит
несчастную монашку.

ВЫХОДИ В ПРИВОЛЬНЫЙ МИР!

Выходи в привольный мир!
К черту пыльных книжек хлам!
Наша родина — трактир.
Нам пивная — божий храм
Ночь проведши за стаканом,
не грешно упиться в дым
Добродетель — стариканам,
безрассудство — молодым!

Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернуться никогда
вешние денечки.

Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернуться никогда
вешние денечки.

КАБАЦКОЕ ЖИТЬЕ

Хорошо сидеть в трактире.
А во всем остатнем мире —
скука, злоба и нужда.
Нам такая жизнь чужда.
Задают вопрос иные:
«Чем вам нравятся пивные?»
Что ж! О пользе кабаков
расскажу без дураков.

Собрались в трактире гости.
Этот пьет, тот — жарит
в кости.

Этот — глянть — продулся в пух,
у того — кошель разбух.
Все зависит от удачи!
Как же может быть иначе?!
Потому что нет средь нас
лихоимцев и пролаз.

Ах, ни капельки, поверьте,
нам не выпить после смерти,
и звучит наш первый тост:
«Эй! Хватай-ка жизнь за хвост!..»
Тост второй: «На этом свете
все народы — божьи дети.
Кто живет, тот должен жить,
крепко с братьями дружить».

Бахус учит неизменно:
«Пьяным — море по колено!»
И звучит в кабацком хоре
третий тост: «За тех, кто в море!»
Раздается тост четвертый:
«Постных трезвенников — к черту!»
Раздается пятый клич:
«Честных пьяниц возвеличь!»

Клич шестой: «За тех, кто зелье
предпочел сиденью в келье
и сбежал от упырей
из святых монастырей!»
«Слава добрым пивоварам,
раздающим пиво даром!» —
всею дружною семьей
мы горланим тост седьмой

Пьет народ мужской и женский,
городской и деревенский,
пьют глупцы и мудрецы,
пьют транжиры и скупцы,
пьют скопцы и пьют гуляки,
миротворцы и вояки,
бедняки и богачи,
пациенты и врачи

Пьют бродяги, пьют вельможи,
люди всех оттенков кожи,
слуги пьют и господа,
села пьют и города.
Пьет безусый, пьет усатый,
лысый пьет и волосатый,

пьет студент, и пьет декан,
карлик пьет и великан!
Пьет монахиня и шлюха,
пьет столетняя старуха,
пьет столетний старый д е д , —
словом, пьет весь белый свет!
Все пропьем мы без остатка.
Горек хмель, а пьется сладко.
Сладко горькое питье!
Горько постное житье...

РАЗГОВОР С ПЛАЩОМ

«Холод на улице лют.
Плащ мой! Какой же ты плут!
С каждой зимой ты стареешь
и совершенно не греешь.
Ах ты, проклятый балбес!
Ты, как собака, облез.
Я — твой несчастный хозяин —
нынче ознобом измаян».
Плащ говорит мне в ответ:
«Много мне стукнуло лет.
Выгляжу я плоховато —
старость во всем виновата.
Прежнюю дружбу ценя,
надо заштопать меня,
а с получением подкладки
снова я буду в порядке.
Чтоб мою боль утолить,
надо меня утеплить.
Будь с меховым я подбоем,
было б тепло нам обоим».

Я отвечаю плащу:
«Где же я денег сыщу?
Бедность — большая помеха
в приобретении меха.
Как мне с тобой поступить,
коль не могу я купить
даже простую подкладку?..
Дай-ка поставлю заплатку!»

СТАРЕЮЩИЙ ВАГАНТ

Был я молод, был я знатен,
был я девушкам приятен,
был силен, что твой Ахилл,
а теперь я стар и хил.

Был богатым, стал я нищим,
стал весь мир моим жилищем,
горбясь, по миру брожу,
весь от холода дрожу.

Хворь в дугу меня согнула,
смерть мне в очи заглянула.
Плащ изодран. Голод лют.
Ни черта не подают.

Люди — волки, люди — звери...
Я, возросший на Гомере,
я, быллой избранник муз,
волочу проклятья груз.

Зренье чахнет, дух мой слабнет,
тело немощное зябнет,

еле теплится душа,
а в кармане — ни шиша!
До чего ж мне, братцы, худо!
Скоро я уйду отсюда
и покину здешний мир,
что столь злобен, глуп и сир.

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Слезы катятся из глаз,
арфы плачут струны.
Посвящаю сей рассказ
колесу Фортуны.
Испытал я на себе
суть его вращения,
преисполнившись к судьбе
чувством отвращения.
Мнил я: вверх меня несет!
Ах, как я ошибся,
ибо, свергшийся с высот,
вдребезги расшибся
и, взлетев под небеса,
до вершин почета,
с поворотом колеса
плюхнулся в болото.
Вот уже другого ввысь
колесо возносит...
Эй, приятель! Берегись!
Не спасешься! Сбросит!
С нами жизнь — увы и ах! —
поступает грубо.
И повержена во прах
гордая Гекуба.

ИСПОВЕДЬ АРХИПИИТА КЕЛЬНСКОГО

С чувством жгучего стыда
я, чей грех безмерен,
покаяние свое
огласить намерен.
Был я молод, был я глуп,
был я легковерен,
в наслаждениях мирских
часто неумерен.

Человеку нужен дом,
словно камень, прочный,
а меня судьба несла,
что ручей проточный,
влек меня бродяжий дух,
вольный дух порочный,
гнал, как гонит ураган
листик одиночный.

Как без кормчего ладья
в море ошалелом,
я мотался день-деньской
по земным пределам.
Что б сидеть мне взаперти?
Что б заняться делом?
Нет! К трактирщикам бегу
или к виноделам.

Я унылую тоску
ненавидел сроду,
но зато предпочитал

радость и свободу
и Венере был готов
жизнь отдать в угоду,
потому что для меня
девки — слаще меду!

Не хотел я с юных дней
маяться в заботе,
для спасения души
позабыв о плоти.
Закружившись во хмелю,
как в водовороте,
я вещал, что в небесах
благ не обретете!

О, как злились на меня
жирные прелаты,
те, что постникам сулят
райские палаты.
Только в чем, скажите, в чем
люди виноваты,
если пламенем любви
их сердца объаты?!

Разве можно в кандалы
заковать природу?
Разве можно превратить
юношу в колоду?
Разве кутаются в плащ
в теплую погоду?
Разве может пить школяр
не вино, а воду?!

Ах, когда б я в Кёльне был
не архипиитом,

а Тезеевым сынком —
скромным Ипполитом,
все равно бы я примкнул
к здешним волокитам,
отличаясь от других
волчьим аппетитом.

За картежную игрой
провожу я ночки
и встаю из-за стола,
скажем, без сорочки.
Все продудо до гроша!
Пусто в кошелечке.
Но в душе моей звенят
золотые строчки.
Эти песни мне всего
на земле дороже:
то бросает в жар от них,
то — озноб по коже.
Пусть в харчевне я помру,
но на смертном ложе
над поэтом-школяром
смилуйся, о боже!

Существуют на земле
всякие поэты:
те залезли, как кроты,
в норы-кабинеты.
Как убийственно скучны
их стихи-обеты,
их молитвы, что огнем
чувства не согреты.

Этим книжникам претят
ярость поединка,
гомон уличной толпы,
гул и гогот рынка;
жизнь для этих мудрецов —
узкая тропинка,
и таится в их стихах
пресная начинка.

Не содержат их стихи
драгоценной соли:
нет в них света и тепла,
радости и боли...
Сидя в кресле, на заду
натирать мозоли?!
О, избавь меня, господь,
от подобной роли!

Для меня стихи — вино!
Пью единым духом!
Я бездарен, как чурбан,
если в глотке сухо.
Не могу я сочинять
на пустое брюхо.
Но Овидием себе
я кажусь под мухой.

Эх, друзья мои, друзья!
Ведь под этим небом
жив на свете человек
не единым хлебом.
Значит, выпьем вопреки
лицемерным требованиям,
в дружбе с песней и вином,
с Бахусом и Фебом...

Надо исповедь сию
завершать, пожалуй.
Милосердие свое
мне, господь, пожалуй.
Всемогущий, не отринь
просьбы запоздалой!
Снисходительность яви,
добротой побалуй.

Отпусти грехи, отец,
блудному сыночку.
Не спеши его казнить —
дай ему отсрочку.
Но прерви его стихов
длинную цепочку,
ведь иначе он никак
не поставит точку.

ИЗ КНИГИ „НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ“

КРЕСТЬЯНИН И РЫЦАРЬ

На некий постоялый двор
Заброшены судьбою,
Мужик и рыцарь жаркий спор
Вели между собою.
Нет любопытней ничего
Иной словесной схватки.
А ну, посмотрим, кто кого
Положит на лопатки.

«Я родом княжеским горжусь,
Я землями владею!»
«А я горжусь, что я тружусь
И хлеб насущный сею.
Когда б не сеял я зерно,
Не рыл бы огород —
Подох бы с голоду давно
Твой именитый род!»

«Мой гордый нрав и честь мою
Повсюду славят в мире.
Под лютию песни я пою,
Фехтую на турнире!
Каких мне дам пришлось любить
И как я был любим!
А ты, крестьянин, должен быть
Навек рабом моим».

«Заслуга, брат, невелика
Всю ночь бренчать на лютне.
Сравнится ль гордость мужика
С ничтожной честью трутня?
Не танцы и не стук рапир —
Поклясться я готов, —
А труд крестьянский держит мир
Надежней трех китов».

«Но если грянет час войны,
Начнется бой суровый,
Кто из немецкой стороны
Пойдет в поход крестовый?
В пустыне — пекло, как в аду,
Но ад мне нипочем!
И сарацинам на беду
Я действую мечом!»

«Махать мечом — нелегкий труд,
И нет об этом спора,
Но в дни войны с кого берут
Бессчетные поборы?
Кто должен чертовы войска
Кормить да одевать?
Нет, даже тут без мужика
Не обойтись, видать!»

УЛИНГЕР

Веселый рыцарь на коне
Скакал по дальней стороне,
Сердца смущая девам
Пленительным напевом.

Он звонко пел. И вот одна
Застыла молча у окна:
«Ах, за певца такого
Я все отдать готова!»

«Тебя я в замок свой умчу,
Любви и песням научу.
Спустись-ка в палисадник!» —
Сказал веселый всадник.

Девушка в спальню вошла,
Колечки, камушки нашла,
Связала в узел платья
И — к рыцарю в объятия.

А он щитом ее укрыл
И, словно ветер быстрокрыл,
С красавицей влюбленной
Примчался в лес зеленый.

Не по себе ей стало вдруг:
Нет никого сто верст вокруг.
Лишь белый голубочек
Уселся на дубочек.

«Твой рыцарь, — молвит голубок, —
Двенадцать девушек завлек.
Коль разум позабудешь —
Тринадцатую будешь!»

Она заплакала навзрыд:
«Слыхал, что голубь говорит,
Как он тебя порочит
И гибель мне пророчит?»

Смеется Улингер в ответ:
«Да это все — пустой навет!
Меня — могу дать слово —
Он принял за другого.

Ну, чем твой рыцарь нехорош?
Скорей мне волосы взъерошь!
На травку мы приляжем
И наши жизни свяжем».

Он ей платком глаза утер:
«Чего ты плачешь? Слезы — вздор!
Иль, проклятый судьбою,
Покинут муж тобою?»

«Нет, я не замужем пока.
Но возле ели, у л у ж к а, —
Промолвила д е в и ц а, —
Я вижу чьи-то лица.

Что там за люди? Кто они?»
«А ты сходи на них взгляни,
Да меч бы взять неплохо,
Чтоб не было подвоха».

«Зачем девице нужен меч?
Я не гожусь для бранных встреч.
Но люди эти вроде
Кружатся в хороводе».

Туда направилась она
И вдруг отпрянула, бледна:
В лесу, на черной ели,
Двенадцать дев висели.

«О, что за страшный хоровод!» —
Кричит она и косы рвет.
Но крик души скорбящей
Никто не слышит в чаще.

«Меня ты, злобный рыцарь, здесь,
Как этих девушек, повесь,
Но не хочу снимать я
Перед кончиной платья!»

«Оставим этот разговор.
Позор для мертвых — не позор.
Мне для моей сестрицы
Наряд твой пригодится».

«Что делать, Улингер? Бери —
Свою сестрицу одари,
А мне дозволь в награду
Три раза крикнуть кряду».

«Кричи не три, а тридцать раз —
Здесь только совы слышат нас.
В моем лесу от века
Не встретишь человека!»

И вот раздался первый крик:
«Господь, яви свой светлый лик!
Приди ко мне, спаситель,
Чтоб сгинул искуситель!»

Затем раздался крик второй:
«Меня от изверга укрой,
Мария пресвятая!
Перед тобой чиста я!»

И третий крик звучит в бору.
«О брат! Спаси свою сестру!
Беда нависла грозно.
Спеши, пока не поздно!»

Ее мольбу услышал брат.
Созвал он всадников отряд —
На выручку сестрицы
Летит быстрее птицы.

Несутся кони, ветер свистит,
Лес вспугнут топотом копыт.
До срока подоспели
Они к той черной ели.

«Что пригорюнился, певец?
Выходит, песенке — конец.
Свою сестру потешу —
На сук тебя повешу!»

«Видать, и я попался в сеть.
Тебе гулять, а мне — висеть.
Но только без одежды
Мне помирать не гоже!»

«Оставим этот разговор.
Позор для мертвых — не позор.
Камзол твой и кирасу
Отдам я свинопасу!»

И тотчас головою вниз
Разбойник Улингер повис
На той же самой ели,
Где пленницы висели.

Брат посадил в седло сестру
И прискакал домой к утру
С сестрицею родимой,
Живой и неведимой.

КРЫСОЛОВ ИЗ ГАМЕЛЬНА

«Кто там в плаще гуляет пестром,
Сверля прохожих взглядом острым,
На черной дудочке свистя?..
Господь, спаси мое дитя!»

Большая в Гамельне тревога.
Крыс развелось там страсть как много.
Уже в домах не счесть утрат.
Перепугался магистрат.

И вдруг волшебник — плут отпетый —
Явился, в пестрый плащ одетый,
На дивной дудке марш сыграл
И прямо в Везер крыс согнал.

Закончив труд, у магистрата
Волшебник требует оплаты,
А те юлят и так и сяк:
«За что ж платить-то? За пустяк?»

Велик ли труд — игра на дудке?
Не колдовские ль это шутки?
Ступай-ка прочь без лишних слов!»
И хлопнул дверью крысолов.

Меж тем от крыс освобожденный,
Ликует город возрожденный,

В соборах — господу хвала! —
Весь день гудят колокола.

Пир — взрослым, детворе — забава.
Но вдруг у северной заставы
Вновь появился чудодей,
Сыграл на дудочке своей,

И в тот же миг на звуки эти
Из всех домов сбежались дети,
И незнакомец всей гурьбой
Увел их в Везер за собой.

Никто не видел их отныне,
Навек исчезнувших в пучине.
Рыдайте, матери, отцы, —
Не возвратятся мертвецы.

Тела детей волна качает.
Кричи! Поток не отвечает.
Река бежит, вода течет,
Какой ценой оплачен счет!..

Всем эту быль запомнить надо,
Чтоб уберечь детей от яда.
Людская жадность — вот он яд,
Сгубивший гамельнских ребят.

БАЛЛАДА О ГЕНРИХЕ ЛЬВЕ

Чего так в Брауншвейге встревожен народ,
Кого провожают сегодня?
То Генрих Брауншвейгский уходит в поход
На выручку гроба господня.

Жену молодую обняв у ворот,
Он ей половину кольца отдает,
А сам, уходя на чужбину,
Другую берет половину.

Вот герцог по бурному морю плывет.
Беснуется черная бездна,
И рушатся мачты, и ветер ревет,
И помощи ждать бесполезно.
Корабль сиротливый наткнулся на риф.
Но вдруг в вышине появляется гриф:
«О боже, спаси мою душу!»
Он герцога вынес на сушу.

В гнездо, где алкал пропитанья птенец,
Влетел он с находкою странной,
Но Генрих Брауншвейгский был храбрый боец
И славился удалью бранной.
Спасенный от смерти по воле небес,
Он, грифа осилив, направился в лес
И в зарослях целыми днями
Кормился корой и корнями.

Однажды, бредя сквозь лесной бурелом,
Пытаясь разведать дорогу,
Увидел он схватку дракона со львом
И кинулся льву на подмогу.
Поверженный, рухнул дракон, захрипев.
И Генриху молвил израненный лев:
«Услуги твоей не забуду,
Навеки слугой твоим буду!»

А ночью явился к нему сатана:
«В Брауншвейге тебе побывать бы!

Там дома твоя молодая жена
Затеяла новую свадьбу!»
И горестно герцог промолвил в ответ:
«Ее ли винить? Миновало семь лет.
Дай мне повидаться с женою
И делай что хочешь со мною!»

И только он эти слова произнес,
Как черт себя ждать не заставил.
Он спящего герцога в город принес
И льва за ним следом доставил.
И Генрих воскликнул, разбуженный львом:
«Я гостем незванным являюсь в свой дом!
Должны мы поспеть на венчанье».
В ответ прозвучало рычанье.

Вот герцог вошел в переполненный зал,
Отвесив поклон неуклюже:
«Недурно б, сударыня, выпить бокал
За вашего первого мужа!»
И, глаз не сводя с дорогого лица,
Он бросил в вино половину кольца,
Хранимую им на чужбине,
И подал бокал герцогине.

Но что, побледнев, она вскрикнула вдруг —
Иль сделалось худо невесте?
«Вернулся мой Генрих! Мой верный супруг!
Навеки отныне мы вместе!»
И гости воскликнули все, как один:
«Вернулся возлюбленный наш господин!»
В старинном Брауншвейге едва ли
Такое веселье знавали.

Так герцог, что прозван был Генрихом Львом,
До старости герцогством правил.
А лев, находясь неотлучно при нем,
И в смерти его не оставил.
Не смог пережить он такую беду
И в тысяча сто сорок третьем году,
Теряя последние силы,
Почил у хозяйской могилы.

ПРО ВОДУ И ПРО ВИНО

Слышал я недавно поверье одно-
Рассказец про воду и про вино,
Как оба, друг с другом в ссоре,
Вечно бранятся, споря.

Как-то сказала воде вино:
«Во все я страны завезено!
В любом кабачке и таверне
Пьют меня ежевечерне».

Вода говорит: «Замолчи, вино!
Со мной не сравнишься ты все равно!
Я мельницу в ход пускаю —
Знать, сила во мне такая».

Но отвечает воде вино:
«Едва лишь осушат в стакане дно,
И каждый мне благодарен,
Пастух или важный барин».

Вода говорит: «Не кичись, вино!
Хозяйственных дел у меня полно.

Стирают во мне, и для варки
Меня потребляют кухарки».

Но отвечает воде вино:
«Мне в битвах бойцам помогать дано!
Губами приложатся к фляге —
И хоть отбавляй отваги».

Вода говорит: «А скажи, вино,
Кто в банях людей услаждает умно?
Красавицам пылким желанны
Мои прохладные ванны».

И отвечает воде вино:
«С самим бургомистром дружу я давно!
Со мной он проводит все ночи
Там, в Бремене, в погребочке».

Вода говорит: «Погоди, вино!
А кто из насоса влетает в окно,
Когда ненасытное пламя
Уже завладело полами?»

И отвечает воде вино:
«А я с докторами во всем заодно!
Недаром у нас медицина
Лекарство разводит in vino».

Вода говорит: «Я не спорю, но
В кунсткамере я, а не ты, вино,
Теку из русалочьих глазок
На радость любителям сказок».

И отвечает воде вино:
«В дни коронаций заведено,

Чтоб я из фонтанов било
И людно на улицах было».

Вода говорит: «Посмотри, вино,
На море. Наполнено мной оно.
Больших кораблей караваны
Мои бороздят океаны!»

И отвечает воде вино:
«А я в винограде заключено.
Нежнейшие ручки, бывает,
В саду меня с веток срывают».

Вода говорит: «Но ответь, вино,
Кем все цветущее вспоено?
Без влаги сады бы увяли
И ты б появилось едва ли».

И так сказало вино тогда:
«Что ж, подчиняюсь тебе, вода,
Но только меня не трогай,
Иди-ка своей дорогой».

Вода говорит: «Берегись, мой друг!..»
Но тут явился трактирщик вдруг
И для умноженья доходу
Смешал и вино и воду.

ЛИНДЕНШМИДТ

Еще недавно знаменит
Был грозный рыцарь Линденшмидт,
Когда у нас в округе

Он гарцевал на скакуне
В доспехах и в кольчуге.

Он слуг скликал не для добра:
«Друзья! Отважиться пора!
Не трусить — мой обычай.
Мы возвратимся в эту ночь
С отменной добычей».

Но славный баденский маркграф,
О черных замыслах узнав,
Велел забить тревогу,
И юный Каспар поспешил
Маркграфу на подмогу.

Вот мужичка встречает он:
«Надень монаший капюшон,
Прикинься капуцином.
Узнай, где бродит Линденшмидт,
И сразу напиши нам».

А мужичок — тот был хитер,
Он — шмыг на постоялый двор,
Видать, увлекся ролью:
«Подайте хлеба и вина,
Иду я с богомолья».

Хозяин: «Тсс! Отец святой,
К нам нынче прибыл на постой
Сам Линденшмидт со свитой
Три кубка кряду осушив,
Уснул он как убитый».

«Эге, — смекает «капуцин», —
Ты мне попался, чертов сын!
Теперь погиб ты, леший».
И в замок Каспара тотчас
Он шлет гонца с депешей.

У Линденшмидта был сынок.
Зашел в конюшню паренек
Узнать, готовы ль кони,
И вдруг кричит: «Вставай, отец!
Мне слышен шум погони!»

Но грозный рыцарь Линденшмидт
Не просыпается — храпит.
Хмельной под стол свалился.
Напрасно сын зовет отца.
Сам Каспар в дом явился.

«Здорово, рыцарь! Как спалось?
Прекрасный сон видал небось?
Сейчас поедешь в Баден:
Тебе там выстроен дворец
Из черных перекладин!»

«Нет, — отвечает Линденшмидт, —
Пускай наш спор судьба решит.
Хочу с тобою драться!..»
Но Каспар меч в него вонзил,
Чтоб он не смог подняться.

«Ну что ж. Мне жизнь недорого.
Но вот мой сын и мой слуга
Стоят перед тобою.
За ними, Каспар, нет вины.
Их я склонил к разбою».

Но молвил Каспар: «Всех казнить!
Куда игла — туда и нить!
Суд скор и беспощаден.
Три эшафота сколотил
Великий город Баден».

Свезли их в Баден всех троих,
И поутру казнили их
В награду за злодейство.
Во рву, за городом, гниет
Разбойное семейство.

КОРОЛЕВСКИЕ ДЕТИ

Я знал двух детей королевских —
Печаль их была велика:
Они полюбили друг друга,
Но их разлучала река.

Вот бросился вплавь королевич
В глухую полночную тьму,
И свечку зажгла королева,
Чтоб виден был берег ему.

Но злая старуха черница
Хотела разбить их сердца,
И свечку она загасила,
И ночь поглотила пловца.

Настало воскресное утро —
Кругом веселился народ.
И только одна королева
Стояла в слезах у ворот.

«О матушка, сердце изныло,
Болит голова, как в чаду.
Ах, я бы на речку сходила —
Не бойтесь, я скоро приду».

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда,
Возьми-ка с собою сестрицу,
Не то приключится беда».

«Сестренка останется дома:
С малюткой так много хлопот —
Еще на зеленой поляне
Все розы она оборвет».

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда,
Возьми с собой младшего брата,
Не то приключится беда».

«Пусть братец останется дома:
С малюткой так много хлопот —
Поди, на зеленой опушке
Он ласточек всех перебьет».

Ушла во дворец королева,
А девушка в страшной тоске,
Роняя горячие слезы,
Направилась прямо к реке.

Вдоль берега долго бродила,
Печалась — не высказать как.
И вдруг возле хижины ветхой
Ей встретился старый рыбак.

Свое золотое колечко
Ему протянула она.
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Свою золотую корону
Ему протянула она.
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Раскинул рыбак свои сети,
И вот на прибрежный песок
Уже бездыханное тело
С немалым трудом приволок.

И девушка мертвого друга,
Рыдая, целует в лицо:
«Ах, высохли б эти слезинки,
Когда б ты сказал хоть словцо».

Она его в плащ завернула.
«Невесту свою приголубь!» —
И молча с крутого обрыва
В холодную бросилась глубь...

...Как колокол стонет соборный!
Печальный разносится звон.
Плывут похоронные песни,
Звучит погребальный канон...

ЛИЛОФЕЯ

В древнем царстве подводном жил-был водяной,
Но манила его земля:
Он задумал сделать своею женой
 Лилофею, дочь короля.

Он из красного золота выстроил мост
И, невесте богатства суля,
Вызывал на свиданье при блеске звезд
 Лилофею, дочь короля.

Он коснулся белой ее руки,
Красоту королевны хваля,
И пошла за ним следом на дно реки
 Лилофея, дочь короля.

И тогда схватил ее водяной
(Словно горло стянула петля):
«Не уйдешь ты отсюда! Ты будешь со мной,
 Лилофея, дочь короля».

Миновало много ночей и дней,
В светлой горнице из хрустала
Семерых родила ему сыновей
 Лилофея, дочь короля.

Но однажды приснился ей странный сон —
Поле... Небо... Крик журавля...
И услышала тихий церковный звон
 Лилофея, дочь короля.

«Отпусти, отпусти меня, водяной!
Погляди: о пощаде моля,
В унижение и в горе стоит пред тобой
Лилофея, дочь короля».

Но угрюмый супруг отвечает ей,
Плавниками в воде шевеля:
«Кто же вскормит моих семерых сыновей,
Лилофея, дочь короля?»

«Ах, не бойся, супруг, я вернусь назад,
Хоть мила и прекрасна земля.
Разве может покинуть невинных чад
Лилофея, дочь короля?»

И она восстала со дна реки,
И в весенние вышла поля.
«Здравствуй, — в ноги ей кланялись стебельки, —
Лилофея, дочь короля».

И вошла она тихо в господень храм,
Небеса о прощенье моля.
«Здравствуй, — люди склонились к ее ногам, —
Лилофея, дочь короля».

Прибежала мать, прибежал отец:
«Ты пришла, нашу скорбь исцеля,
Так пойдем же скорее в родной дворец,
Лилофея, дочь короля».

Все светилось, сияло вблизи и вдали,
Пело небо, и пела земля,
Когда слуги в родительский дом приведи
Лилофею, дочь короля.

Гости ели и пили всю ночь напролет,
Сердце сладким вином веселя:
Возвратилась домой из безжалостных вод
 Лилофея, дочь короля.

Вдруг в окно кто-то яблоко бросил на стол,
То, внезапно сойдя с корабля,
Ищет, требует, кличет незримый посол
 Лилофею, дочь короля.

«Пусть в огне это яблоко нынче сгорит!» —
Приговор свой исполнить веля,
Оробевшей служанке, смеясь, говорит
 Лилофея, дочь короля.

Но невидимый кто-то отвечает ей:
«В светлой горнице из хрусталя
Семерых ты оставила мне сыновей,
 Лилофея, дочь короля».

«Ты троих заберешь, я возьму четверых,
Пусть им родиной будет земля», —
Так она сыновей поделила своих,
 Лилофея, дочь короля.

«Я троих заберу, и троих я отдам.
Но, сокровище честно деля,
Мы седьмого должны разрубить пополам,
 Лилофея, дочь короля.

Все поделим: и ноги и руки его.
Ты возьмешь половину, и я.
Что ж молчишь? Неужель ты боишься кого,
 Лилофея, дочь короля».

«Иль ты думал, мне сердце из камня дано?..
Ах, прощайте, цветы и поля!
Чем дитя погубить, лучше канет на дно
Лилофея, дочь короля».

ПИЛИГРИМ И НАБОЖНАЯ ДАМА

Однажды, к местам направляясь святым,
С котомкой по городу шел пилигрим
И жалобно пел, становясь у порога:
«Подайте, подайте, коль верите в бога!»

Вот глянула некая дама в окно:
«Дружок, отказать в твоей просьбе грешно,
Да муж мой, что держит меня в мышеловке,
Уехал и запер шкафы и кладовки.

Но ты не горюй — заходи поскорей.
На мягкой постели, в каморке моей
Найдешь подаянье особого рода,
Которым меня наделила природа».

Вошли они в спальню — и дверь на засов.
Вдвоем до шести пролежали часов.
Вот шепчет она: «Подымайся с постели!
Ты слышишь? На улице пташки запели».

И только ворота открыл пилигрим,
Как видит: хозяин стоит перед ним.
«Господь да пошлет тебе вечное благо!» —
Крестясь на ходу, произносит бродяга.

«Эй, женка! Поклясться могу головой —
Ты хлеба дала ему из кладовой!»

«Да нет, пустячком я его наградила,
Которым мамаша меня наделила».

«Ну что ж. Так учил нас господь поступать.
Но в дом посторонних опасно пускать.
Свои подаянья, невинная крошка,
Ты впредь на шесте подавай им в окошко».

«Супруг! Разговор мне не нравится твой.
Ведь это ж — блаженный, ведь это ж — святой.
И небо, раскрыв золотые ворота,
Воздаст нам сторицей за наши щедроты!»

ГОСПОДИН ФОН ФАЛЬКЕНШТЕЙН

Однажды с охоты граф Фалькенштейн
Скакал по лесам и полянам.
И вдруг на дороге увидел он
Девчонку в платке домотканом.
«Куда ты, красавица, держишь путь?
Не скучно ль бродить в одиночку?
Поедем! Ты в замке со мной проведешь
Хмельную, веселую ночь!»

«Чего вы пристали? Да кто вы такой?
Все хлопоты ваши напрасны». —
«Так знай же, я — сам господин Фалькенштейн!
Теперь ты, надеюсь, согласна?» —
«Ах, коли взаправду вы граф Фалькенштейн, —
Ему отвечает девица, —
Велите отдать моего жениха.
Он в крепости вашей томится!»

«Нет, я не отдам твоего жениха,
Ему ты не станешь женою.
Твой бедный соколик в поместье моем
Сгниет за тюремной стеною!»

«Ах, если он заживо в башне гниет, —
Бедняжка в слезах отвечает, —
Я буду стоять у тюремной стены,
И, может, ему полегчает».

Тоскует она у тюремной стены,
Звучит ее голос так жутко:
«О милый мой, коли не выйдешь ко мне,
Наверно, лишусь я рассудка».

Все ходит и ходит вокруг башни она,
Свою изливая кручину:
«Пусть ночь пройдет, пусть год пройдет,
Но милого я не покину!»

«Когда б мне дали острый меч,
Когда б я нож достала,
С тобою, граф фон Фалькенштейн,
Я насмерть бы драться стала!»

«Нет, вызов я твой все равно не приму,
Я с женщиной драться не буду!
А ну-ка, бери своего жениха,
И прочь убирайтесь отсюда!»

«За что ж ты, рыцарь, гонишь нас?
Ведь мы небось не воры!
Но то, что нам принадлежит,
Берем без разговора!»

БЕГЛЫЙ МОНАХ

Я песню новую свою
Готов начать без страха.
А ну споемте про швею
И черного монаха.

Явился к повару монах:
«Давай скорей обедать!
Что в четырех торчать стенах?
Хочу швею проведать!»

Вот он поел да побежал,
Плененный белой шейкой.
Всю ночь в постели пролежал
С красоткой белошвейкой.

Меж тем колокола гудят,
Зовут монахов к мессе:
«Эх, что сказал бы мой аббат,
Когда б узнал, что здесь я?»

Он пред аббатом предстает,
Потупив долу очи.
«Мой сын, изволь-ка дать отчет,
Где был ты этой ночью?»

И говорит ему чернец:
«Я спал с моею милкой
И пил вино, святой отец,
Бутылку за бутылкой!..»

Весь день томительно гудят
Колоколов удары.
Монахи шепчут: «Бедный брат,
Побойся божьей кары!»

И говорит чернец: «Друзья,
Погибнуть мне на месте,
Но мне милей моя швея,
Чем все монахи вместе!»

Кто эту песенку сложил,
Ходил когда-то в рясе,
В монастыре монахом жил,
Да смылся восвояси.

ПОРТНОЙ В АДУ

Под утро, в понедельник,
Портняжка вышел в сад.
Навстречу — черт: «Бездельник,
Пойдем со мною в ад!
Теперь мы спасены!
Сошьешь ты нам штаны,
Сошьешь нам одежку,
Во славу сатаны!»

И со своим аршином
Портняжка прибыл в ад.
Давай лупить по спинам
Чертей и чертенят.
И черти смущены:
«Мы просим шить штаны,
Но только без примерки,
Во славу сатаны!»

Портной аршин отставил
И ножницы достал.
И вот, согласно правил,
Хвосты пооткресал.
«Нам ножницы страшны!
Изволь-ка шить штаны,
Оставь хвосты в покое,
Во славу сатаны!»

С чертями трудно сладить.
Портной согрел утюг
И стал проворно гладить
Зады заместо брюк.
«Ай-ай! Ужель должны
Нас доконать штаны?
Не надо нас утюжить,
Во славу сатаны!»

Затем он вынул нитку,
Чертей за шкуру — хватить!
И пуговицы начал
Им, к брюху пришивать.
И визг и плач слышны:
«Проклятые штаны!
Он спятил! Он рехнулся,
Во славу сатаны!»

Портной достал иголку
И, не жалея сил,
Своим клиентам ноздри
Как следует зашил.
«Мы гибнем без вины!
Кто выдумал штаны?
За что такая пытка,
Во славу сатаны?»

На стену лезут черти —
Шитье всему виной.
«Замучил нас до смерти
Бессовестный портной!
Не слезем со стены!
Не будем шить штаны!
Иначе мы подохнем,
Во славу сатаны!»

Тут сатана явился:
«Ты, парень, кто таков?
Как ты чертей решился
Оставить без хвостов?
Коль так — нам не нужны
Злосчастные штаны.
Проваливай из ада,
Во славу сатаны!»

«Ходите с голым задом!» —
Сказал чертям портной
И, распрощавшись с адом,
Отправился домой.
Дожив до седины,
Он людям шьет штаны,
Живет и не боится
Чертей и сатаны!

ПРОДАННАЯ МЕЛЬНИЧИХА

В деревню мельник под хмельком
Без денег шел, да с кошельком.
Но денежки найдутся.

Вот завернул он в лес густой—
Навстречу три злодея: «Стой!»
И три ножа сверкнули.

«Здорово, мельник! Нам нужна
Твоя красавица жена.
Мы хорошо заплатим!

Чего ты струсил? Не дрожи!
Вот — триста талеров держи
И убирайся с богом!»

«Как! Моего ребенка мать
За триста талеров отдать?!

Нет, мне жена дороже!»

«Бери шестьсот — и по рукам!
Ее ты в лес отправишь к нам
Не позже, чем сегодня!»

«Да вы в уме ль? — воскликнул муж, —
Мне за вдовство столь жалкий куш?!
Здесь тысячами пахнет!»

Хохочут изверги: «Разбой!
На девятьсот — и черт с тобой!
Но шевелись живее!»

Бедняга муж потер чело:
«Ну, девятьсот — куда ни шло.
Что ж! Сделка состоялась».

Домой вернулся он... Жена
Ждет у ворот как смерть бледна:
«Откуда ты так поздно?»

«Жена! Я из лесу иду.
Там твой отец попал в беду.
Беги к нему на помощь!»

И лишь она вступила в лес,
Как ей спешат наперерез
Разбойники с ножами.

«Красотка, здравствуй! В добрый час!
Твой муженек три шкуры с нас
Содрал за эту встречу!»

И принялись ее топтать,
По лесу за косы таскать:
«Сейчас помрешь, красотка!»

«О боже! Не снесу я мук!
Ах, проклят будь злодей супруг
На том и этом свете!

Когда бы мой услышал крик
Мой брат охотник, в тот же миг
Он вас убил бы, звери!»

И тут, сестры заслышав зов,
Явился брат из-за кустов
И уложил злодеев.

«Сестрица, не о чем тужить.
Пойдем со мной! Ты будешь жить
В родном отцовском доме!..»

Прошло три долгих дня. И вот
Охотник мельника зовет:
«Зайди-ка, мельник, в гости!..»

«Ну зять, здорово! Как живешь?
Что ж без жены ко мне идешь?
Сестрица не больна ли?»

«Ох, шурин, горе у меня.
Твою сестру третьева дня
На кладбище снесли мы.

Душа бедняжки — в небесах...»
Но тут с младенцем на руках
К ним мельничиха вышла.

«Ах, мельник-изменник, мошенник и вор!
Жену заманил ты к разбойникам в бор —
Так сам отправляйся на плаху!»

ХОЗЯИН И ПОДМАСТЕРЬЕ

Зима стучится в двери,
Метели замели.
«Эй, слышишь, подмастерье?
Дровишек накопи!

Да шевелись живее,
Стащи-ка их в подвал,
Пока клюкой по шее
Тебе не надавал!..»

...Весна стучится в двери,
В саду ручей течет.
Приходит подмастерье
И требует расчет:

«А ну, плати, хозяин, —
Я странствовать иду.
Ты вместо хлеба, Каин,
Давал нам лебеду!»

«Ах что ты? Ах куда ты?
Останься до зимы.
Желаешь — два дуката
Я дам тебе взаймы.

Найдется белый пряник,
Коль черен хлеб ржаной.
Не хочешь спать в чулане —
Так спи с моей женой».

«Спать с этой старой бочкой?!
Рехнулся ты небось —
Когда с твоею дочкой
Недурно мне спалось!»

БЫЛА Б ТЫ НЕМНОГО БОГАЧЕ...

Однажды я на берег вышла,
По тропке спустилась к реке.
Вдруг вижу: челнок подплывает,
Три графа сидят в челноке.

Вот граф, молодой и прекрасный,
В бокал наливает вина:
«Красавица, светик мой ясный,
Ты выпить со мною должна».

Глядит на меня чуть не плача
И шепчет, склоняясь надо мной:

«Была б ты немного богаче,
Моей бы ты стала женой».

«Не смейтесь над девушкой честной.
Зачем мне ваш графский дворец?
Бедняк из деревни окрестной
Меня поведет под венец».

«А коль жениха не дождешься
Ни в том и ни в этом году?»
«Тогда я монахиней стану,
Тогда я в обитель уйду».

С тех пор миновало полгода,
Зима наступила, и вот
Приснилось ему, что голубка
Монахиней в келье живет.

Стрелой к монастырским воротам
Летит он на быстром коне...
Открылось окошечко: «Кто там?»
«Любовь моя, выйди ко мне!»

И девушка в белом наряде
Выходит к нему на порог.
Отрезаны длинные пряди,
И взгляд ее грустен и строг.

Он ей не промолвил ни слова,
Он ей не сказал ничего.
Но сердце от горя такого
Разбилось в груди у него.

ВЕЙНСБЕРГСКИЕ ЖЕНЫ

Мы затынем с вами чинно
Эту песнь седых времен.
Есть серьезная причина
Нам воспеть отвагу жен,
Верность женскую прославить
В подобающих стихах,
Как бы памятник поставить
В человеческих сердцах.

Сей рассказ из давней были
К нам пришел через века:
Крепость Вейнсберг окружили
Наступавшие войска.
Кайзер Конрад разъяренный
Гнал на штурм бойцов своих,
Но железной обороной
Старый герцог встретил их.

День и ночь идет осада,
День и ночь гремит война.
Прочь отброшена пощада,
Вельфам гибель суждена.
Среди грохота и воя,
Средь бушующих огней
Милосердие простое
Груды золота ценней.

Крепость мечется в тревоге
От нежданной беды:
Перерезаны дороги,

Нет ни хлеба, ни воды.
Даже старые рубаки
Приуныли в эту ночь:
«Все подохнем как собаки.
Может бог один помочь».

Но когда душа мужчины
В подлый страх погружена,
Из печали, из кручины
Мужа выручит жена.
Так и здесь... Твердя молитвы,
Через вражеский редут
Толпы жен на поле битвы
Прямо к Конраду идут.

«Кайзер, внемли нашим стонам,
Дай от смерти жизнь спасти,
Разрешి несчастным женам
Прочь от крепости уйти!»
И ответил победитель,
Тронут этою мольбой:
«Уходите и берите
Все, что можете, с собой!»

И взгляните — что за диво!
Свет любви тая в очах,
Жены вышли торопливо
С тяжелой ношей на плечах.
Но не серебро, не злато,
Не дары своей земли —
Мужа, сына или брата
На плечах они несли.

Конрад, полон удивленья,
Молвит: «Вот чего не ждал!»

И в припадке умиленья,
Как младенец, зарыдал.
И противнику в награду
За любовь и верность жен
Повелел он снять осаду.
Так был город пощажён...

О великие герои,
О бесстрашные бойцы,
Люди Спарты, люди Трои,
Громких подвигов творцы!
Вашей силе и отваге
Неспроста дивится свет.
Но в какой, скажите, саге
Подвиг женщины воспет?

Разве гимнов не достойна
Та, что, долю не кляня,
Мужа вынесет спокойно
Из смертельного огня?
Слова лишнего не скажет,
Все поймет и все простит,
Другу рану перевяжет,
Лоб горячий остудит.

Как божественное чудо,
Щедрой данное судьбой,
На земле везде и всюду,
Навсегда она с тобой!
Пусть же славятся отныне
До скончания времен
В гимне, в песне и в былине
Честь, любовь и верность жен!

ПУТАНИЦА

Жил в мужике богатый дом,
Пил хлеб, закусывал вином,
Стриг ножницы овечкой.
Доской рубанок он строгал,
В коня повозку запрягал,
Топил поленья печкой.

Он просыпался к вечерку,
Стегал кобылой вожжи,
Из пирога он пек муку,
Из пива делал дрожжи.

Сажал он в репе огород,
Воров поставил у ворот,
Чтоб под покровом мрака
Не влезла в дом собака.

Он в рыбах озеро удил,
Ему сынок жену родил,
А мышь поймала кошку.
Кормил он курами овес,
Землею удобрял навоз,
Хлебал отваром ложку.

Он на ночь хлев пускал в коров,
Срывал деревья с груши,
В деревню лес возил из дров,
На лодке плыл по суше.

Подковой молот он ковал,
Огнем горнило раздувал

И, выпачкавшись в бане,
Купался в грязном жбане.

Но вот, закончив зимний сев,
На шляпу голову надев,
Побрел он на пирушку.
В кругу заплаканных кутил
Он, трубку спрятав, закурил
И в пиво налил кружку.

Да не пришлось попировать:
Подвыпивший бродяга
По кулаку зубами — хватъ!
И помер наш бедняга.

Ему могилу принесли,
Он встал живой из-под земли,
Отпел отца святого
И в пляс пустился снова!

ИЗ КНИГИ „СТРАНИЦЫ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ”

Детский фольклор

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Наполеон был горд и смел.
Теперь он малость присмирел.
Он ходит спички продает,
А детвора ему поет:

— Бонапарт! Бонапарт!
На дворе сегодня март.
Всюду снег на крышах тает.
Император отступает,
Трясется на двуколке
В дырявой треуголке.

Са ира! Са ира!
На Москву он шел вчера
В ярости и в злобе,
Да застрял в сугробе.

Наполеон, Наполеон
Бежал домой без панталон!
Эй ты, Наполеончик,
Поешь-ка лучше пончик!

Гренадеры, гренадеры
Из России дали деру.

Грустная история!
Где же их «виктория»?

Немцы, русские и шведы
Заплясали в честь победы.
Эй, друзья британцы!
Просим к нам на танцы!
Ядра, пушки и свинец
Не нужны! Войне — конец!

Робинзон, Робинзон!
В дальний путь пустился он
На воздушном шаре
С Пятницею в паре.

Распрекрасные французы
Носят красные рейтузы,
Золотые эполеты,
А едят одни омлеты.

Доктор Лютер дорогой
Замахнулся кочергой:
Черт ему привиделся.
Лютер разобиделся,
Крикнул: — Эй, католики!
Все вы алкоголики!

Католический священник
Заорал: — Молчи, мошеник!
Завопила странница:
— Лютер, сам ты пьяница!
Лютер тут нахмурился,
Взял да окочурился.

Папе римскому все хуже.
Он лежит в вонючей луже:
Меньше по количеству
Стало католичества.

В нарушение райских правил
Вдруг с Петром подрался Павел,
Петр, сидевший на горшке,
Стукнул Павла по башке.

Взял топор блаженный Павел —
Вез башки Петра оставил.
Петр спросил: — Погиб ли я?..
Пусть ответит библия.

Стыд и срам!
Стыд и срам!
Жили Ева и Адам.
Ева пообедала.
Яблочка отведала.
Из-за этого плода
Вышла страшная беда;
Бог, обычно сдержанный,
Выбежал рассерженный
И сказал: — А ну, Адам,
Забирай свою мадам,
Чтоб не крала райские
Яблочки хозяйские.

„Напевы немецкой шарманки“

УЖАСАЮЩЕЕ УБИЙСТВО

I

Был бал как бал. Сияли люстры в зале.
Ревели трубы. Пары танцевали.

Казалось: через край веселье било...
И лишь одну красавицу знобило.

К прелестной чернокудрой Леоноре
Закрались в сердце холод, страх и горе.

В ответ на просьбу молодого Франца
Она с ним покружилась в вихре танца.

Но рыцарь Кунц, увидев эту сцену,
Невинный танец принял за измену.

И, встав между колонной и стеною,
Кунц молвил Францу: — Следуйте за мною!

* «Напевы немецкой шарманки» — название сборника пародийного фольклора, вышедшего в 1848 г.

II

Старинный парк был залит лунным светом.
Среди ветвей пел соловей фальцетом.

Тут Кунц возник между двумя дубами
И, словно зверь, заскрежетал зубами.

В лучах луны сверкнула сталью шпага.
Был юный Франц белее, чем бумага.

«О добрый Кунц! Пока еще не поздно...»
«Трус, защищайся!» — Кунц воскликнул грозно.

«Что ж, коли мир меж нами невозможен,
Я тоже шпагу выдерну из ножен».

«Презренный пес!» — «Кровавая собака!»
В старинном парке возгорелась драка.

А через пять минут в глухой печали
Два хладных трупа кровью истекали.

III

Едва лишь в зал донесся шум дуэли,
Как гости моментально побелели.

Все выбежали в парк, где у фонтана
Два хладных трупа стыли бездыханно.

Тут Леонора жутко задрожала:
«Виновна я! Я их не удержала!»

И, опустившись медленно на лавку,
Она схватила острую булавку,

На небеса в отчаянье взглянула
И ту булавку в грудь себе воткнула.

Кровь потекла горячею струею...
«Я вам обоим сделаюсь сестрою!»

И труп ее упал на оба трупа —
Ужасная образовалась группа...

*

О ревность, ревность! Людям в наказание
Несешь ты горе, слезы, скорбь, терзанье,

Но к вам мы обращаемся с советом:
Самоубийством не кончать при этом.

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕСНЯ

Мы — грозная шайка разбойников,
Людей превращаем в покойников.
Живем мы в дремучем лесу,
Кровавую жрем колбасу,
И кровью ее запиваем,
И песню свою запеваем:

«Появится конный иль пеший,
Хватай его! За ноги вешай!

И шкуру с него обдери,
А деньги его — забери!
До крови людской мы охочи
Особенно в зимние ночи...
Ложитесь же вовремя спать
И в лес не ходите гулять».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КИТАЯ

Я приехал из Китая...
Богородица святая!
Хороша страна Китай:
Там не пиво пьют, а чай
И при этом курят опий,
Запрещаемый в Европе.

Император всекитайский
Утвердил порядок райский:
Он имеет десять жен,
Каждый чих его — закон,
А Пекин, его столица,
На него должна молиться.

Я поклон ему отвесил,
Но правитель был невесел.
Полицейских вызвав рать,
Он велел меня забрать.
Тут меня, конечно, взяли,
И крутили, и вязали,
Посадили в каземат
Под охраню солдат.

Трое суток я томился.
Вдруг какой-то чин явился:

«Мы вас выдворить должны
Из китайской стороны!»

Возражать ничуть не стал я.
До свидания, Китай!
Слава господу, попал я
Вновь в родной германский край.
Всюду кирхи да казармы,
Офицеры и жандармы.
С восхищением свою
Я отчизну узнаю...

Вольный воздух европейский!
Вдруг подходит полицейский,
И, жандармов вызвав рать,
Он велит меня забрать.
Трое суток я томился.
Вдруг какой-то чин явился:
«Расскажите для суда,
Как вы прибыли сюда...»

«Я приехал из Китая...»
«Богородица святая! —
Весь в слезах воскликнул чин, —
Вас изгнали без причин.
Ах, ах, ах! Постичь едва ли
Европейскому уму,
Чтобы запросто сажали
Невиновного в тюрьму.
Это очень трудно даже
Человека посадить...»
И приказывает страже
Вмиг меня освободить.

Все в порядке! Боже мой!
Я бегу к себе домой...
Что за светопреставленьё!
В доме — грязь и запустенье,
И, разлукой сражена,
Спит в гробу моя жена...

Я приехал из Китая...

„Чудо техники“

Фольклорные отклики на технические новшества (XVIII—XX вв.)

БАЛЛАДА О ДОКТОРЕ ГИЛЬОТЕНЕ

В эпоху грозных перемен,
В суровую годину
Придумал доктор Гильотен
Свою гилиотину.

Сожженье требует затрат,
Расстрел чрезмерно злобен,
А этот хитрый аппарат
Гуманен и удобен.

Едва глухой раздастся стук
И шеи нож коснется,
Как голова без лишних мук
С плечами расстается.

К чему распяты и костер?
К чему петля и дыба?
За механический топор
Ученому — спасибо!

Легко, спокойно — хоть куда!
Отменная работа...
Да жаль, что с жизнью иногда
Прощаться неохота.

ТЕЛЕФОННАЯ СЕРЕНАДА

До чего ж преуспела наука!
Появилась забавная штука!
Если кто не на шутку влюблен,
Пусть себе заведет телефон...
Прежде я на балкон выходила
И, вздыхая, твой голос ловила.
Но к чему выходить на балкон,
Если есть у меня телефон?!
Говорит разговорная трубка:
«Я люблю тебя, слышишь, голубка?»
Только я отвечать не спешу
И тихонечко в трубку дышу.
«Я души в тебе — слышишь? — не чаю!»
«Вы мешаете спать», — отвечаю.
Тут звонок раздаётся опять.
Я в ответ: «Вы мешаете спать!»
Телефон заливается снова...
На часах — половина второго.
В трубке жалобный слышится стон:
«О, скорей выходи на балко-он!
Я — алло! — от любви умираю!»
Что поделать? Я дверь отворяю
И, как прежде, бегу на балкон...
Вот что значит иметь телефон!

НЕУДАВШЕЕСЯ ПОКУШЕНИЕ
на русского царя Александра Второго,
имевшее место 1 декабря 1879 года

В прусском городе Берлине
Мы привыкли к дисциплине
И Вильгельма своего
Чтим как бога самого!

Всяк отчизну обожает,
Всяк за кайзера умрет.
А в России проживает
Невоспитанный народ...

Августейшее семейство
Вывез царь на отдых в Крым.
Но кровавое злодейство
Замаячило над ним.

Царь вскричал: «Какого черта!
Это ж заговор прямой!»
И немедленно с курорта
Он направился домой.

Мы прочли об этом в прессе.
Ехал царь в своем экспрессе.
Царский поезд обогнав,
Вез багаж другой состав.

За окном — снега по пояс...
Бог! Невинных огради!

...Под Москвою царский поезд
Оказался впереди.

Сзади шел состав товарный:
Все господь предусмотрел,
Ибо заговор коварный
В этот час уже созрел.

Близ путей, в крестьянской хате,
Притаились злые тати,
И в руках у главарей
Пять электробатарей.

А от каждой батареи
Провода ползли как змеи,
Можно, их соединив,
Моментально вызвать взрыв...

В клубах пара, в тучах дыма
Первый поезд мчится мимо.
Но убийца слаб умом:
Царь, мол, едет во втором!

Снова поезд показался.
Вспыхнул пламень. Взрыв раздался.
Да злодей старался зря:
Поезд ехал без царя!

В чем причина неудачи? —
Р а с п и с а н ь е ! А иначе
Был бы русский царь убит
И давным-давно забыт...

О народ надежный прусский!
Ты совсем не то, что русский.

Будь своим единством горд!
Прусский кайзер без опаски
Хоть в экспрессе, хоть в коляске
Может ехать на курорт!

«ЦЕПЕЛИН»

Вчера зашел я в магазин.
Навстречу — продавщица:
«Купите, сударь, «Цеппелин» —
Полезная вещица.

Возьмете тещу и жену,
В корзину заберетесь
И вот под самую луну,
Как в сказке, вознесетесь!

Да! Нужно выбросить балласт!
Но поступите проще:
Вам «Цеппелин» возможность даст
Избавиться от тещи...»

Ну, прямо скажем, красота!
И ведь на самом деле
Сбылась немецкая мечта:
Мы небом завладели!

Пугая ангелов и птиц,
При орденах и сабле,
Летит, летит немецкий Фриц
В немецком дирижабле.

Пора луну завоевать
Или по крайней мере

Немецким пивом торговать
На Марсе и Венере.

Гляди, летает, что орел!
Ничуть ему не тяжело!
Какую штуку изобрел
Хитрющий старикашка!

И вдруг — беда! И вдруг — аврал!
Он лопнул! Разорвался!
Ай да воздушный адмирал!
Ты чересчур заврался!

Но Фердинанд фон Цеппелин
Нашел ответ толковый:
«Не беспокойтесь! «Цеппелин»
Я вам построю новый.

Я вам придумаю другой,
На это денег хватит.
Не зря народ наш дорогой
Налогов столько платит!..»

Конца поборам не видать,
Растет дороговизна.
Зато спокойно может спать
Любимая отчизна.

СТИХИ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ

Автор неизвестен

ВЕЧНОСТЬ

Ах, как же, вечность, ты долга!
Где рubeжи? Где берега?
Но время, в коем мы живем,
Спешит к тебе, как в отчий дом,
Быстрее коня, что мчится в бой,
Как судно — к гавани родной.

Не можем мы тебя настичь,
Не в силах мы тебя постичь.
Тебя окутывает мгла.
Подобно шару, ты кругла,
Где вход, чтобы в тебя войти?
Вошедши, выход где найти?

Ты — наподобие кольца:
Нет ни начала, ни конца.
Ты — замкнутый навеки круг
Бессчетных радостей и мук,
И в центре круга, как звезда,
Пылает слово: «навсегда»!

Тебе конца и краю нет.
И если бы в сто тысяч лет
Пичуга малая хоть раз

Могла бы уносить от нас
Хоть по песчиночке одной —
Рассыпался бы мир земной.

И если бы из наших глаз
В сто тысяч лет всего лишь раз
Одна б слезинка пролилась,
Вода бы в море поднялась,
Все затопивши берега, —
Вот до чего же ты долга!

О, что перед числом веков
Число песчинок всех песков?
Сколь перед вечностью мало
Всех океанских брызг число!
Так для чего ж мы всё корпим
И вычислить тебя хотим?

Так знай же, смертный, вот — итог:
Покуда миром правит бог,
Навечно тьме и свету быть.
Ни пыток вечных не избыть,
Ни вечных не избыть услад...
Навечно — рай. Навечно — ад.

Мартин Опиц
1597—1639

ОБРАЗЕЦ СОНЕТА

Вы, небеса, ты, луг, ты, ветерок крылатый,
Вы, травы и холмы, ты, дивное вино,
Ты, чистый ручеек, в котором видишь дно,
Вы, нивы тучные, ты, хвойный лес мохнатый.

Ты, буйный сад, цветами пышными богатый,
Ты, край песков пустынь, где все обожжено,
Ты, древняя скала, где было мне дано
Созвучие вплести в мой стих витиеватый, —

Поскольку я томим любовною истомой
К прелестной Флавии, досель мне незнакомой,
И только к ней стремлюсь в полночной тишине,

Молю вас, небеса, луг, ветер, нивы, всходы,
Вино, ручей, трава, сады, леса и воды,
Всех, всех молю вас: ей поведать обо мне!

ПРЕСЫЩЕНИЕ УЧЕНОСТЬЮ

Я тоскую над Платоном
Дни и ночи напролет,
Между тем весна поет
За моим стеклом оконным.

Говорит она: «Спеши
Вместо шелеста бумаги
Слушать, как звенят овраги!
Ветром луга подыши!»

Многомудрая ученость!
Есть ли в ней хоть малый прок? —
Отвратить никто не смог
Мировую обреченность.
Роем взмыленных гонцов
Дни бегут, мелькают числа,
Чтобы нам без чувств, без смысла
В землю лечь в конце концов.

Эй ты, юноша, глубоко
Объяснивший целый мир,
Объясни мне: где трактир
Тут от вас неподалеку?
До тех пор, покуда мне
Нить спрядет старушка Клото,
Утоплю свои заботы
В упоительном вине!

Вот оно — бурлит в кувшине!
Можно к делу приступить.
Да! Совсем забыл!.. Купить
Надо сахару и дыни.
Обладатель сундуков,
От сокровищ ошавевши,
В кладовых торчит, не евши.
Наш обычай не таков!

Грянем песню! Выпьем, братья!
О стакан стакан звенит.

И пьянит меня, пьянит
Жизни светлое приятье!
Груды золота ценней —
Провести с друзьями ночку!
Пусть умру я в одиночку —
Жить хочу в кругу друзей!

ПРОГУЛКА

А радость-то какая!..
Среди долин и гор
Поет, не умолкая,
Веселый птичий хор.

Завидую вам, птички,
Что, радуя сердца,
В свободной перекличке
Вы славите творца.

Завидую вам, птахи,
Слагая этот стих:
Неведомы вам страхи
И вздор надежд пустых...

СЛОВО УТЕШЕНИЯ СРЕДЬ БЕДСТВИЙ ВОЙНЫ

Опять пришла беда... Куда ж теперь податься,
Чтоб отдых отыскать и скорби не поддаться?
Да и о чем скорбеть? Ах, как тут ни крути —
Любой из нас уйдет. Все смертны. Все в пути.

Не лучше ль, отрешась от скорби узколобой,
Рассудком вознестись над завистью и злобой,

Чтоб нас не била дрожь, как маленьких детей,
Которых масками пугает лицей?

Ведь все, что нас гнетет, — такие же личины:
Невзгоды, ужасы, болезни и кончины,
А счастье, из мечты не превратившись в быль,
Нахлынет, как волна, и — разлетится в пыль.

Все это — сон пустой!.. И до чего ж охота
Средь брэнности найти незблемое что-то,
Что не могло б уйти, рассыпаться, утечь,
Чего вовек нельзя ни утопить, ни сжечь.

Разрушит враг твой дом, твой замок уничтожит,
Но мужество твое он обстрелять не может.
Он храм опустошит, но только что с того?
Твоя душа — приют для бога твоего.

Пускай угонят скот — благодаренье небу,
Остался в доме хлеб. А не осталось хлеба —
Есть добродетели спасительная власть,
Которую нельзя угнать или украсть.

Преследованью, лжи, обиде и навету
Не одолеть, не взять святую крепость эту.
Она как мощный дуб, чья прочная кора
Способна выдержать удары топора.

На крыльях разума из темной нашей чаши
Она возносится над всем, что преходяще.
Бог чтит ее одну. Ей велено судьбой
Быть нам владычицей и никогда — рабой!

С чего же мы скорбим, неистовствуем, плачем,
Раз в глубине сердец сокровище мы пречем,

Что с вами нам дано не на день, не на час,
Что никаким врагам не отобрать у нас?!

* * *

Любовь моя, не медли —
Пей жизни сок!
Повременишь — немедля
Упустишь срок.

Все то, чем мы богаты
С тобой сейчас,
В небытие когда-то
Уйдет от нас.

Поблекнет эта алость
Твоих ланит,
Глаза сомкнет усталость,
Страсть отзвенит.

И нас к земле придавит
Движенье лет,
Что возле губ оставит
Свой горький след.

Так пей, вкушай веселье!
Тревоги прочь,
Покуда нас отселе
Не вырвет ночь.

Не внемли укоризне,
И ты поймешь,
Что, отдаваясь жизни,
Ее берешь!

* * *

Средь множества скорбей, средь подлости и горя,
Когда разбой и мрак вершат свои дела,
Когда цветет обман, а правда умерла,
Когда в почете зло, а доброта — в позоре,

Когда весь мир под стать Содому и Гоморре, —
Как смею я, глупец, не замечая зла,
Не видя, что вокруг лишь пепел, кровь и мгла,
Петь песни о любви, о благосклонном взоре,

Изяществе манер, пленительности уст?!
Сколь холоден мой стих, сколь низок он и пуст,
Для изможденных душ — ненужная обуза!

Так о другом пиши! Пора! А если — нет,
Ты — жалкий рифмоплет. Ты — больше не поэт.
И пусть тебя тогда навек отвергнет муза!

Роберт Робертин
1600—1648

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Сойдя с заоблачных высот
В круг бытия земного,
Весна-красавица несет
Свои улады снова.

И снова зелено в лесах,
Луг блещет пестротой,
А тучи светят в небесах
Каемкой золотою.

Цветная радуга горит,
И лед на реках сломан,
И в рощах праздничных царит
Счастливый птичий гомон.

Волшебной песнею своей
Мир веселят огромный
Днем ласточка, а соловей —
Прохладной ночью темной.

В лугах — стада, в садах — цветы,
В ручьях, в озерах — рыбки —
Весь мир исполнен доброты,
Надежды и улыбки...

Лишь человек, кого господь
Избрал венцом творенья,
В себе не может побороть
Неудовлетворенья!

Ничто его не тешит взор,
Дух не бодрит уставший...
Палач, себя казнивший! Вор,
Себя обворовавший!

Как голова его седа,
Как глубоки морщины!..
Он видит Страшного суда
Грядущие картины.

Фридрих Логау
1604—1655

ИЗРЕЧЕНИЯ И ЭПИГРАММЫ

Знатное происхождение

«Наши деды — палладины!»
«Наши предки — короли!»...
В чем-то, впрочем, все едины:
Все — от матери-земли.

Отважная честность

Что значит в наши дни быть баснословно смелым?
Звать черным черное, а белое звать белым,
Чрезмерно громких од убийству не слагать,
Лгать только по нужде, а без нужды не лгать.

Деньги

И старец, и юнец — все алчут золотых:
Один, чтобы копить, другой, чтоб тратить их.

Стыдливый век

Наш славный век — венец времен —
Своей стыдливостью силен:
Бежит он, как от прокаженной,
От правды, слишком обнаженной.

Война и мир

Война — всегда война. Ей трудно быть иною.
Куда опасней мир, коль он чреват войною.

Наставление

Как должен жить твой сын, мужчиной стать готовясь?
Сначала стыд забыть, затем отбросить совесть,
Лишь самого себя считать за человека —
И вырастет твой сын достойным сыном века.

Житейская мудрость

Быть одним, другим казаться,
Лишний раз глухим сказать,
Злых, как добрых, славословить,
Ничему не прекословить,
Притворяться, лицемерить,
В то, во что не веришь, верить,
Чтоб не влипнуть в передраги,
О своем лишь печься благе —
И, хоть время наше бурно,
Сможешь жизнь прожить недурно.

Победа над собой

Да, бой с самим собой — есть самый трудный бой.
Победа из побед — победа над собой.

Пауль Гергардт
1607—1676

ОДА
В ЧЕСТЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ МИРА

Итак, сбылось! Свершилось!
Окончена война!
Несет господня милость
Иные времена.
Труба, замри! Пусть лира
Ликует над толпой,
И песнь во славу мира,
Германия, запой!
Ты мерзла, ты горела,
Стонала на кресте —
И все же нет предела
Господней доброте!

Он пощадил неправых,
От кары грешных спас:
Ведь хмель побед кровавых
Доныне бродит в нас.
Мы, в муках задыхаясь,
Страдали поделом,
Но, испуленно каясь,
Мы одержимы злом
И, на зверей похожи,
Во всем себе верны,
Так помоги нам, боже,
Избыть соблазн войны!

Пусть мир — глашатай счастья —
Стучит в любую дверь.
Как ой он послан властью,
Мы поняли теперь.
Встречать его не выйдем,
В родство не вступим с ним —
Самих себя обидим,
Себя самих казним.
И подлым равнодушьем
Уже на сотни лет
Бессмысленно потушим
Любви и правды свет.

Ужель все было даром:
Стенанья наших вдов,
Объятые пожаром
Руины городов,
Разрушенные башни
Святых монастырей,
И выжженные пашни,
И пепел пустырей,
И рвы глухие эти,
Там, где погребены
Родные наши дети,
Любимые сыны?

Так оглянись, подумай,
Горючих слез не прячь.
Нет! Свой удел угрюмый
Безропотно оплачь!
Мы над судьбой, над богом
Глумились с давних пор.
Он в испытанье строгом
Нам вынес приговор,

Но изменил, прощая,
Тот приговор крутой,
К добру нас приобщая
Своею добротой.

Очнемся, пробудимся,
Переживем беду,
Навеки предадимся
Достойному труду.
Умолкни, глас гордыни!
Стремясь к иной судьбе,
Великий мир, отныне
Мы отданы — тебе!
Раскрой свои объятия
И страстно призови:
«Живите в мире, братья,
В покое и в любви!»

Иоганн Рист
1607—1667

ВЕЧНОСТЬ

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!
Оно, как меч, сверлит мне грудь —
Нет ни конца, ни краю...
Ах, вечность! Время вне времен!
Бреду, бедой обременен.
Куда бреду — не знаю...

Всему свой срок и свой черед:
Ослабнет горе, боль замрет,
Смирится бессердечность.
Но день за днем, за веком век
Свой буйный, свой бесцельный бег
Не остановит вечность.
Ах, вечность! Ты страшишь меня!
Здесь, среди крови и огня,
Я ужасом охвачен.
Скажи, наступит ли предел?
Иль этот роковой удел
Навек нам предназначен?

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!
Оно, как меч, сверлит мне грудь —
Нет ни конца, ни краю...
Ах, вечность! Время вне времен!
Бреду, бедой обременен.
Куда бреду — не знаю...

Пауль Флеминг
1609—1640

К САМОМУ СЕБЕ

Будь тверд без черствости, приветлив без жеманства,
Встань выше зависти, довольствуйся собой!
От счастья не беги и не считай бедой
Коварство времени и сумрачность пространства.

Ни радость, ни печаль не знают постоянства:
Чередование их предрешено судьбой.
Не сожалею о том, что сделано тобой,
А исполняй свой долг, чураясь окаянства.

Что славить? Что хулить? И счастье и несчастье
Лежат в тебе самом!.. Свои поступки взвесь!
Стремясь вперед, взгляни, куда ты шел поднесь.

Тому лишь, кто, презрев губительную спесь,
У самого себя находится во власти,
Подвластна будет жизнь, мир покорится весь!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ

Во времени живя, мы времени не знаем.
Тем самым мы себя самих не понимаем.
В какое время мы, однако, родились?
Какое время нам прикажет: «Удались!»?..
А как нам распознать, что наше время значит
И что за будущее наше время прячет?

Весьма различны времена по временам:
То — нечто, то — ничто; они подобны нам.
Изжив себя вконец, рождает время время.
Так продолжается и человечесье племя.
Но время времени нам кажется длинней
Коротким временем нам отведенных дней.
Подчас о времени мы рассуждаем с вами.
Но время это — мы. Никто иной. Мы сами!
Знай: время вне времен когда-нибудь придет
И нас из времени насильно уведет,
И мы, сваливши с плеч, как бремя,
Предстанем перед тем, над кем не властно время.

ОЗАРЕНИЕ

Я жив. Но жив не я. Нет, я в себе таю
Того, кто дал мне жизнь в обмен на смерть мою.
Мертвец, я отдал смерть, присвоив жизнь живого.
Теперь ролями с ним меняемся мы снова.
Моей он смертью жив. Я отмираю в нем.
Плоть — склеп моей души — ветшает с каждым днем.
Обманчив жизни блеск. Кто к смерти не стремится,
Тому под бременем скорбей не распрячиться!
Страшитесь, смертные, дух променять на плоть!
От искушения избавь меня, господь!
Постиг всем существом я высшую идею:
Все то, чего лишен, и все, чем я владею,
И смерть моя, и жизнь со смертью наравне,
Смысл и бессмыслица содержатся во мне!
Какое же принять мне следует решение?
Я смею лишь желать. Тебе дано свершенье.
Освободив мой ум от суетной тщеты,
Возьми меня всего. И мне предайся ты!

**КАК БЫ ОН ХОТЕЛ,
ЧТОБ ЕГО ЦЕЛОВАЛИ**

Целомудренно-чиста,
Поцелуй меня в уста.
Робко, но не слишком вяло —
Чтоб до сердца доставало.

Наслаждения порой
Детской кажутся игрой,
Если дочери Венеры
Не имеют чувства меры.

Не кусай меня, не жги.
Страсть сперва побереги.
Округли сначала губки
В виде дружеской уступки.

Покуражься, а потом
Обхвати горящим ртом
Рот, подставленный влюбленным,
До предела распаленным.

Лишь простушка да простак
Льнут друг к другу просто так:
Вызывает трепет в теле
Самый путь к заветной цели.

С ходу или не спеша —
Делай, как велит душа...
Ну а что зовется раем,
Только мы с тобою знаем!

НОВОГОДНЯЯ ОДА 1633 г.

Край мой! Взгляд куда ни кинь —
Ты пустынное пустынь.
Милый Мейсен! Злобный рок
На позор тебя обрек.

Жмут нас полчища врага.
Затопили берега
Реки, вспухшие от слез.
Кто нам пагубу принес?

Наши села сожжены,
Наши рати сражены,
Наши души гложет страх,
Города разбиты в прах.

Если хлеба кто припас,
То давно проел припас.
Голод пир справляет свой
В опустевшей кладовой.

Так зачем и почему
Сеют войны и чуму?
Слушай, вражеская рать!
Может, хватит враждовать?

Жить в согласие — не зазор,
А война — для всех разор.
Разве стольких страшных бед
Стоят несколько побед?

Март, опомнись! Не кичись!
Милосердью научись
И скажи: «На что мне меч?
Тьфу! Игра не стоит свеч!

Каску грозную свою
Певчим птахам отдаю,
Чтоб в канун весенних дней
Птицы гнезда вили в ней.

А кольчуги и клинки
Вам сгодятся, мужики!
Из клинков да из кольчуг
Будет лемех, будет плуг».

Не хотим военных свар!
Мир — вот неба высший дар!
Прочь войну, чуму, беду
В наступающем году!

ВЕЛИКОМУ ГОРОДУ МОСКВЕ, В ДЕНЬ РАССТАВАНИЯ

Краса своей земли, Голштинии родня,
Ты дружбой истинной в порыве богоравном,
Заказанный иным властителем державным,
Нам открываешь путь в страну истоков дня.

Свою любовь к тебе, что пламенной огня,
Мы на восток несем, горды согласьем славным,
А воротясь домой, поведаем о главном:
Союз наш заключен! Он прочен, как броня!

Так пусть во все века сияет над тобою,
Войной не тронутое небо голубое,
Пусть никогда твой край не ведает невзгод!

Прими пока сонет в залог того, что снова,
На родину придя, найду достойней слово,
Чтоб услышал мой Рейн напевы волжских вод.

ЭПИТАФИЯ

**господина Пауля Флеминга,
д-ра мед., кою он сочинил сам
в Гамбурге марта 28 дня лета 1640
на смертном одре, за три дня
до его блаженной кончины**

Я процветал в трудах, в искусствах и в бою,
Избранник счастья, горд именитым родом,
Ничем не обделен — ни славой, ни доходом.
Я знал, что звонче всех в Германии пою.

Влекомый к странствиям, блуждал в чужом краю.
Беспечен, молод был, ценим своим народом...
Пусть рухнет целый мир под нашим небосводом —
Судьба оставит песнь немецкую мою!

Прощайте вы, господь, отец, подруга, братья!
Спокойной ночи! Я готов в могилу лечь.
Коль смертный час настал, то смерти не перечь.
Она зовет, себя готов отдать я...

Не плачьте ж надо мной на предстоящей тризне.
Все умерло во мне... Все... Кроме искры жизни.

Андреас Чернинг
1611—1659

**ДЕВУШКЕ,
ВЫХОДЯЩЕЙ ЗАМУЖ ЗА СТАРИКА**

Да ты свихнулась, что ли?..
При облике таком
Самой, по доброй воле,
Сойтись со стариком?!

Ужель его седины
Твоих волос светлей,
А ветхие руины,
Чем новый дом, целей?

О, сколь сей брак неравен!..
Стареющий баран
Ведь только шубой славен,
Хоть он и ветеран.

Гляди: в костре пылает
Пень, что давно иссох,
И понапрасну лает
Беззубый кабысдох.

Коробится с годами
И ржавеет металл.
Так ржавеет мы сами,
Коли наш срок настал.

Напрасно ищет сваху
Проворный старичок,
Смерть явится и — с маху
Подловит на крючок!

О, старость столь степенна,
Столь мудрости полна!..
Но истинно священна
Лишь молодость одна!

Иоганн Клай

1616—1656

**ПРАЗДНИЧНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК
ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНИЯ МИРА**

Под грохот, под хохот, под клики, под крики
Летают, витают, пылают гвоздики.
И воздух весь в звездах, и в облаке дыма
Кометы, ракеты проносятся мимо.

Та-ра-ра, тра-ра-ра! — кларнеты и трубы
Играют, скликают вас в круг, жизнелюбы!
И ноги с дороги так в пляске топчут,
Как бой, как прибой, как грома не грохочут.

От градин-громадин, от ливневой бучи
Смят сад. Ах! В садах переломаны сучья.
Но град — не снаряд! Вот загрохают пушки
И ахнут, и лопнут, и хлопнут хлопушки!

Взвились, понеслись за ракетой ракеты.
Горят и парят огневые букеты.
Народ так и прет, разодетый красиво:
«Вот чудо так чудо! Вот диво так диво!»

Неситесь! Светитесь! Чтоб тьма расступалась!
Земля чтоб, людей веселя, сотрясалась!
Война, чья вина не имеет предела,
Чадя и смердя, наконец околела!

Андреас Грифиус
1616—1664

СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА, ГОД 1636

Мы все еще в беде, нам горше, чем доселе.
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч
Похитили наш труд, вконец нас одолели.

В руинах города, соборы опустели,
В горящих деревнях звучит чужая речь,
Как пересилить зло? Как женщин оберечь?
Огонь, чума и смерть... И сердце стынет в теле.

О скорбный край, где кровь потоками течет!
Мы восемнадцать лет ведем сей страшный счет.
Забиты трупами отравленные реки.

Но что позор и смерть, что голод и беда,
Пожары, грабежи и недород, когда
Сокровища души разграблены навеки?!

ВЕЛИЧИЕ И НИЧТОЖЕСТВО ЯЗЫКА

Венец творения, владыка из владык,
Ответствуй, в чем твое всевластье человечье?
Зверь ловок и силен, но, не владея речью,
Он пред тобой — ничто. А людям дан язык.

Груз башен каменных и тяжесть тучных нив,
Корабль, что входит в порт, моря избороздив,
Свечение звезды,
Течение воды,
Все, чем в своих садах наш взор ласкает Флора,
Закон содружества, которым мир богат,
Неумолимый смысл господня приговора,
Цветенье юности и старческий закат —
Все — только в языке! — находит выраженье.
В нем — жизни торжество, в нем — смерти поражение,
Над дикостью племен власть разума святого...
Ты вечен, человек, коль существует слово!
Но что на свете есть острее языка?
Что в бездну нас влечет с нещадной быстротою?
О, если б небеса сковали немотою
Того, чья злая речь развязна и мерзка!
Поля в холмах могил, смятенье городов,
Пожар на корабле у мертвых берегов,
Верочений чад,
Что разум наш мрачат,
Слепая ненависть, которая нас душит,
Вражда церквей и школ, обман и колдовство,
Война, растлившая сердца, умы и души,
Смерть добродетели, порока торжество,
Любви и верности ужасная кончина —
Всему виной язык, он здесь — первопричина.
И коли речь твоя — рабыня смысла злого,
Ты гибнешь, человек, убитый ядом слова!

ЗАБЛУДШИЕ

Вы бродите впотьмах, во власти заблужденья.
Неверен каждый шаг, цель также неверна.

Во всем бессмыслица, а смысла — ни зерна.
Несбыточны мечты, нелепы убежденья.

И отрицания смешны, и утвержденья.
И даль, что светлую вам кажется, — черна.
И кровь, и пот, и труд, вина и не вина —
Все ни к чему для тех, кто слеп со дня рожденья.

Вы заблуждаетесь во сне и наяву,
Отчаявшись иль вдруг предавшись торжеству,
Как друга за врага, приняв врага за друга,

Скорбя и радуясь, в ночной и в ранний час...
Ужели только смерть прозреть заставит вас
И силой вытащит из дьявольского круга?!

СОНЕТ НАДЕЖДЫ

В дни ранней юности, в дни первого цветенья,
Я встретиться с чумой успел лицом к лицу.
Едва начавши жить, я быстро шел к концу,
Исполнен ужаса, отчаянья, смятенья.

Болезни, бедствия, безмерность угнетенья
Порой не выдержать и стойкому бойцу,
А я бессилием был равен мертвецу...
Мне ль было превозмочь судьбы хитросплетенья?

Не видя выхода, я только смерти ждал...
И тут... бог спас меня. Господь мне сострадал!
С тех пор, обретши жизнь, усвоил я науку:

На грани гибели, в проигранной борьбе,
Невидимо господь печется о тебе
И в нужный миг подаст спасительную руку.

ВСЕ БРЕННО...

Куда ни кинешь взор — все, все на свете бренно.
Ты нынче ставишь дом? Мне жаль твоих трудов.
Поля раскинутся на месте городов,
Где будут пастухи пасти стада смиренно.

Ах, самый пышный цвет завянет непременно.
Шум жизни сменится молчанием гробов.
И мрамор, и металл сметет поток годов.
Счастливых ждет беда... Все так обыкновенно!

Пройдут, что сон пустой, победа, торжество:
Ведь слабый человек не может ничего
Слепой игре времен сам противопоставить.

Мир — это пыль и прах, мир — пепел на ветру.
Все бренно на земле. Я знаю, что умру.
Но как же к вечности примкнуть себя заставить?!

ОДИНОЧЕСТВО

Я в одиночестве безмолвном пребываю.
Среди болот брожу, блуждаю среди лесов.
То слышу пенье птиц, то внимлю крику сов,
Вершины голых скал вдали обозреваю,

Вельмож не признаю, о черни забываю,
Стараюсь разгадать прощальный бой часов,

Понять несбыточность надежд, мечтаний, снов,
Но их осуществить судьбу не призываю.

Холодный, темный лес, пещера, череп, кость —
Все говорит о том, что я на свете гость,
Что не избегну я ни немощи, ни тлена.

Заброшенный пустырь, замшелая стена,
Признаюсь, любы мне... Ведь плоть обречена.
И все равно душа бессмертна и нетленна!..

К НАКРАШЕННОЙ

Ну что в вас истинного, детище обмана:
Вставные челюсти или беззубый рот?!
О ваших локонах золотых парик ваш врет,
А о румянце щек — дешевые румяна.

Набор густых белил — надежная охрана.
Но если невзначай их кто-нибудь сотрет,
Тотчас откроется — скажу вам наперед —
Густая сеть морщин!.. А это — в сердце рана!

Наружностью всегда приученная лгать,
Вы лживы и внутри, так надо полагать,
Фальшивая душой, притворщица и лъстица!

О сердцем лживая! О лживая умом!
С великим ужасом я думаю о том,
Кто вашей красотой фальшивую прельстится!

СВАДЬБА ЗИМОЙ

В долинах и в горах еще белым-бело.
Теченья быстрых рек еще зажаты льдами.
Измучена земля стальными холодами.
Деревья замерли, и ветки их свело.

Еще седой буран разнузданно и зло
Бесчинствует, кружась над нашими садами,
И все ж огонь любви, сейчас зажженный вами,
Смог чудо совершить, что солнце не смогло!

Так розы расцвели, наперекор метели
Воскресею листвою леса зашелестели,
Воспрянули ручьи, отбросив тяжесть льдов...

О, больше чем хвала счастливым новобрачным!
Цветы для них цветут под зимним небом мрачным!..
Каких же осенью им сладких ждать плодов?!

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

Познал огонь и меч, прошел сквозь страх и муку,
В отчаянье стенал над сотнями могил.
Утратил всех родных. Друзей похоронил.
Мне каждый час сулил с любимыми разлуку.

Я до конца постиг страдания науку:
Оболган, оскорблен и оклеветан был.
Так жгучий гнев мой стих воспламенил,
Мне режущая боль перо вложила в руку!

— Что ж, лайте! — я кричу обидчикам м о и м . —
Над пламенем свечей всегда витает дым,
И роза злобными окружена шипами,

И дуб был семенем, придавленным землей...
Однажды умерев, вы станете золой.
Но вас переживет все попанное вами!

Христиан Гофмансвальдау
1617—1679

ИСПОВЕДЬ ГУСИНОГО ПЕРА

В сей мир принесено я существом простым,
Но предо мной дрожат державные короны,
Трясутся скипетры и могут рухнуть троны,
Коль я вдруг окажусь неблагоклонным к ним.

Стихом своих певцов возвышен древний Рим:
Великой доблести начертаны законы,
Увиты лаврами героев легионы,
А власть иных царей развеяна, как дым!

Звучал Вергилия божественного стих,
Священный Август льнул к его бессмертной музе...
Теперь, Германия, ты превосходишь их:
Твой мужественный дух с искусствами в союзе!

Так не затем меня возносят над толпой,
Чтоб шляпу украшать бездарности тупой!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Поднявшись из-за кручи,
Рассвет раздвинул тучи
Единым взмахом крыл.
Поблекли звезды, вскоре
Луна скатилась в море.
И я глаза открыл.

Восстав от сна ночного,
Я жизнь вкушаю снова,
Вновь бодрствует мой дух.
К рукам вернулась сила,
И утро воскресило
Мне зрение и слух.

О чудо пробужденья!
Господня снисхожденья
Ничем не заслужив,
Я — страшный грешник — все же
Живым проснулся!.. Боже,
О, как ты терпелив!

Средь злобы и гордыни
Я чахну, как в пустыне,
Не ведаю пути.
Мне без твоей подмоги
Спасительной дороги
Из скверны не найти.

Ты в доброте безмерной
Пошли мне свет твой верный,
Чтоб мир мне был открыт.
Снабди мой дух крылами —
И наравне с орлами
Он к солнцу воспарит!..

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Зачем вы, злые мысли,
Вдруг нависли?
Слезами не избыть беду!
Печаль помочь не может —

Боль умножит.
Нам с нею горше, чем в аду.

Воспрянь, душа! Учись во мгле кромешной
И безутешной,
Когда шальной ревет норд-ост
И мир накрыт, как покрывалом,
Черным шквалом,
Собою заменять свет звезд!

СЛАДОСТРАСТЬЕ

Ты, сладострастье, — сахар наших дней.
Чтоб уластить наш век, безрадостный и краткий,
Нам в жилы льется твой напиток сладкий —
И мир сверкает тысячью огней.
Ты лед и камень превращаешь в розу,
Декабрь — в апрель, и в песнопенье — прозу.

Мы для природы — дети. И она,
Как мать, свои нам груди открывает,
Наш дух окоченевший согревает
Настоем страсти, пламенем вина.
И мы берем из материнских дланей
Изысканные лакомства желаний.

Унылый деспот, праведник Закон,
За нами следом ходит с гнусной миной.
Ах, отравляет яд его змеиный
Веселье и свободу испокон!
Он завязал глаза нам, чтоб мы слепо
Сияньем дня считали сумрак склепа!

Свою живую прелесть напоказ
Не выставляет роза безвозмездно:
Ей наше жизнелюбие любезно!
Она в уплату требует от нас —
Зажечься!.. Кто на это не решился,
Тот враг себе, тот разума лишился.

На что нам сила, молодость, задор,
Когда мы, утомительно невинны,
Страшимся жизнь прогрызть до сердцевины?
Жизнь есть — алчба. Все остальное — вздор!
Так в плаванье пускайтесь дерзновенней
По радостному морю вожделений!

Кто Эпикура не избрал в друзья,
Утратил вкус пленительной свободы,
Тот изверг, мразь, тот пасынок природы
И человеком звать его нельзя!
Доучливы труды ученого авгура.
Но как щекочет нас ученье Эпикура!

Ангелус Силезиус
1624—1677

ИЗРЕЧЕНИЯ

Нет в мире ничего чудесней человека:
В нем бог и сатана содействуют от века.

Как быть мне, если все во мне приют нашло:
Миг, вечность, утро, ночь, жизнь, смерть, добро и зло?!

Ты смотришь в небеса? Иль ты забыл о том,
Что бог — не в небесах, а здесь, в тебе самом?

Бог жив, пока я жив, в себе его храня.
Я без него ничто, но что он без меня?!

Постой! Что значит «бог»? Не дух, не плоть, не свет,
Не вера, не любовь, не призрак, не предмет,
Не зло и не добро, не в малом он, не в многом,
Он даже и не то, что именуют богом,
Не чувство он, не мысль, не звук, а только то,
О чем из всех из нас не ведают никто.

Спит праведник, во сне вкушая благодать.
А грешник молится и всем мешает спать.

Неутомимо то, что господом зовут:
Его покой — в труде, в его покое — труд.

Ты, грешник, сетуешь на то, что пал Адам?!
Но пал бы первым он — ты б это сделал сам.

Когда богач твердит о бедности своей,
Поверь ему: он п р а в, — он нищего бедней.

Как совершенно все, что вокруг себя мы зрим:
Стекляшка и алмаз, паук и серафим!

Ты царства божьего все требуешь от неба,
А сам для бедняка жалеешь корку хлеба!

Я, как господь, велик. Бог мал, что червь земной.
Итак: я — не под ним. И он — не надо мной.

Так кто же я такой, творенье чьих я рук,
Предмет, и не предмет, и точка, и круг?

Зигмунд фон Биркен

1626—1661

МИР ГОВОРИТ

Ну что — дождались? Веселитесь, герои!
Я ваше веселье удвою, утрою:
Конец наступил ненавистой войне!
Живите! Топите раздоры в вине!
Братайтесь! Бросайте мечи и пищали —
От них только беды одни да печали,
Забудьте сварливых соперниц громов,
Которые крыши срывали с домов,
Из жерл извергали ревущее пламя,
Могильные рвы понабили телами,
Корежили стены, посева пожгли,
Изгрызли зеленое лоно земли.
Сегодня велим этим бестиям лютым
В честь мирного праздника жахнуть салютом.
Ракеты затеят такой фейерверк,
Чтоб звезды поблекли, чтоб месяц померк!
Охрипшие трубы, осипшие горны,
Вам мирную песню сыграть не зазорно —
Никто вам того не поставит в укор.
Нет! В тысячи глоток поддержит вас хор.
Друзья музыканты! На дудке, на флейте
Валяйте играйте, труда не жалеите!
С чего наша радость? С чего этот пир?
Война околела! Рождается мир!

В честь мира на свете, в честь мирного мира
Исходит небесной мелодией лира,
Басят барабаны в драгунском полку,
В харчевне взлетают смычки к потолку!

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ ФЛОРИДАНА

Загромыхали телеги, подводы.
Ну-ка! Живей! Начинаются роды!
Всё на сносях!.. И поля, и сады
Ждут не дождутся мгновенья рожденья:
Сам Флоридан собирает плоды!

Лает, стреляет, гуляет охота.
Ну-ка, в леса, кому дичи охота!
Будет обед восхитительный дан!
И в упоенье мясо оленье
Жадно подносит к губам Флоридан.

Ну-ка, красотки — крестьянки, селянки,
Живо несите шесты да стремянки!
Яблоки, груши сшибайте с ветвей!
Ждет Флоридан их — спелых, румяных.
Но и орехи он любит, ей-ей!

Ну-ка, за дело друзья рыболовы!
Сети да удочки ваши готовы?
Хоть не поспите вы целую ночь,
Стоит помяться: рыбка поймается!
А Флоридан и до раков охоч!

Можно немало в течение суток
Понастрелять перепелок и уток.

Ну-ка! Живей! Не пропал бы запал!
Гляньте, ребятки: да там — куропатки!
А Флоридан в лебедицу попал!

Гнутся к земле виноградные лозы.
Будет вино, когда грянут морозы!
Будет веселье и будет гульба!
Давит давило. Чтоб грудь не давило,
Все обойдет Флоридан погреба.

Ну-ка! Живее! В поля! В огороды!
Пусть громыхают телеги, подводы!
Ну-ка, живее! В леса и сады!
В чаще целуйтесь, чем чаще, тем слаще.
Будьте здоровы! Не знайте беды!

Жарко пусть любится, сладко пусть спится,
Сладко пусть пьется (но так, чтоб не спиться!)!
Пусть умножается ваше добро!
Вольно пусть дышится, складно пусть пишется!
Славьте мотыгу, клинок и перо!

Выпейте вдоволь и вдоволь поешьте!
Душу разгульною песней потешьте!
Дружно на праздник скликайте друзей!
Пляшет средь ора пьяного хора
Сам Флоридан с королевой своей!

Катерина Регина Грейфенберг

1633—1694

КНОЧИ

Звезды, свет моих очей,
И луна, венец ночей,
Осветите шар земной
Светом ярким, как дневной.

Тишина — гробница дум,
Поглоти мой алчный ум,
В буйном сердце жар утишь,
Избавительная тишь!..

В неподвижной тишине
Спят в надзвездной вышине
Песни те, что возношу
Всё тому, кем я дышу!

Как бы ни был сон глубок,
Пусть в меня вольется сок
Благодати и любви,
Зло во мне останови!

Снов ночных подруга — тень,
Ночь, сменяющая день,
Пусть вконец не скроет мгла
Свет, что совесть в нас зажгла!

Ты, кто ночью или днем
В сердце царствуешь моем,
Дай мне, милостью велик,
И во сне узреть твой лик.

Пусть натруженным глазам
Отдых будет, что бальзам,
Но пускай, повитый тьмой,
Только дух не дремлет мой!

Даниэль Каспер Лознштейн

1635—1683

ЛАБИРИНТ

Что кажется глупцу запутанным, обманным,
То в полной ясности доступно мудрецу.
Для зрячего простор отнюдь не скрыт туманом,
Затмившим солнца свет несчастному слепцу.
Кто праведен и мудр, вовек не ошибется,
Тропинку верную ища в кромешной мгле,
А дерзкий сумасброд и днем с пути собьется,
Найти небесный рай надеясь на земле.

По существу, мы все блуждаем в лабиринте
Как в ранней юности, так и на склоне лет.
Куда же вы?.. Куда?! Мозгами пораскиньте!
Все ищут выхода. А выхода-то нет!
Влекут вас глупость, спесь, упрямство, похоть, злоба,
Своекорыстие, тщеславье, жадность, страх...
Каким вы способом дотаетесь до гроба?
Никто не ведает... А смерть-то — в двух шагах.

Вконец запутавшись, вы наконец умрете,
Едва успев шепнуть последнее прости.
Лишь пыль, труха и тлен останутся от плоти.
Ну, а душе куда прикажете брести?!
Блуждать ли в темноте по закоулкам смрадным
Иль, вознесясь, узреть в обители творца
Мир, оказавшийся воистину громадным,
Бездонный кладезь благ, жизнь, коей нет конца?..

Христиан Вайзе

1642—1708

БЛАГИЕ МЫСЛИ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Неблагодарный мир!.. По лестнице тащусь
И вправду всякий раз ее постигнуть тщусь,
Поскольку поражен ее долготерпеньем.
Все вверх и вверх иду я по ее ступеням,
А благодарность где? Ну, чем я ей плачу?
Не тем ли попросту, что я ее топчу
И причиняю ей одни лишь беспокойства?!
Так вот он — мерзостный закон мироустройства:
Чем мы услужливей, чем мы верней другим,
Чем безответнее, тем хуже нам самим.
Простите же меня, высокие ступени!
От вас не слышал я ни жалобы, ни пени.
Ведь я подобен вам: на службе у других,
Я унижаюсь сам и возвышаю их.
Они по мне, спеша, на самый верх шагают.
Не то, что жалуют, не то, что помогают,
А топчут! Верите ли, втаптывают в грязь,
Не зная совести, расплаты не боясь!
Как быть, коль на земле попрали добродетель?
(Вы это знаете, и я тому свидетель.)
Я утешение иное нахожу:
Кому могу служить, тому я и служу,
Стараюсь не роптать на горестную долю
И в этом высшую усматриваю волю.

Абрагам А Санта Клара
1644—1709

НОЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

По улицам ночным,
По переулкам спящим —
Четыре дурака —
Мы инструменты тащим.

Почувствовав в груди
Любовную истому,
Мы с музыкой своей
Бредем от дома к дому.

Едва взойдет луна,
Мы серенаду грянем:
Пиликаем, бренчим,
Басим и барабаним.

«Прелестница, очнись
Скорее от дремоты!
Здесь, под твоим окном,
Мы разложили ноты.

Ах, осчастливит нас
Одна твоя улыбка!» —
Вздыхает барабан,
Тихонько просит скрипка.

«Твой взгляд дороже всей
Небесной благодати!» —
Поет гобой д'амур
У лютни на подхвате.

«Мы будем здесь стоять
Хоть до восхода солнца,
Пока ты наконец
Не выглянешь в оконце!

Все арии тогда
Тебе споем мы хором,
С закатыванием глаз,
Со струнным перебором.

А коль ночной дозор
Пройдется по кварталу,
Мы ноги пустим в ход,
Чтоб шее не попало!

Вот так мы и живем,
Шатаясь где придется,
И пусть честной народ
Над дурнями смеется,

По улицам ночным
Мы с музыкой кочуем,
В надежде, что хоть раз
С тобой переночуем!»

Иоганн Христиан Гюнтер
1695—1723

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Братья, братья, прочь тоску!
Вешний день ловите!
Солнце ластится к листку!
Радуйтесь! Любите!
Темен, слеп, бездушен рок.
Смерть близка... Так в должный срок
Розу жизни рвите!

Жизнь уносится стремглав,
Словно в небо — птица.
Эту истину познав,
Нужно торопиться.
Ждет гробов разверстых пасть.
Поспешимте ж, братья, всласть
Радостью упиться!

Ах, куда ушли от нас,
Кто совсем недавно
Молод был, как мы сейчас?
Веселился славно?
Их засыпали пески,
Их могилы глубоки.
Время так злонравно!

На погосте мертвецы
Под плитой глухою —
Наши деды и отцы,
Ставшие трухою.
Колокольный слышен звон.
Кто созрел для похорон?
Может, мы с тобою...

Но в гаданьях проку нет.
Небо справедливо.
Мы же предков чтим завет:
Пьем вино и пиво!
Эй! От жажды сохнет рот!
Братья! Жизнь полна щедрот!
Наливайте, живо!

Поднимаю сей стакан
За свою отраду,
Ту, в чьем брюхе мальчуган
Зреет мне в награду.
Ну, так выпьем! А засим
Хором вновь провозгласим
Славу винограду!

* * *

Ужель, прелестница младая,
Твоей груди остынет зной,
Когда, как роза, увядая
За монастырскою стеной,
Недобрым людям на потребу
Ты плоть свою подаришь небу?!

Ах, в тесной келье в смертной скуке
Надежд на будущее нет.

Здесь дьявольские зреют муки,
Здесь жизни угасает свет.
И вина сладостные киснут,
Когда тебя в застенки втиснут.

От воздержанья печень пухнет,
Смерть наступает от тоски.
Покуда девственность не рухнет,
Мученья деви велики.
Так не лишай себя свободы,
Укрывшись под глухие своды!

Спеш! Найдем другую келью!
Амуром дверь отворена.
И пусть над нашею постелью
Он начертает письмена:
«Приют мой да послужит храмом
Прекраснейшим на свете дамам!»

Ведь грудь твоя — алтарь священный,
Ведь благовонье — запах твой.
В слиянье плоти сокровенной
Свершим молебен огневой,
Чтоб под «аминь!» прильнул к тебе я,
Блаженной слабостью слабей.

* * *

Терпимость, совестливость, миролюбие, честь,
Прилежность, набожность, усердие в работе...
Ну! Как вас там еще?.. Всех вас не перечесать,
Что добродетелями вечными слывете!
Клянусь вам, что не я — беда моя виной
Тому, что некогда вы овладели мной!
Но я служил вам и не требую прощенья!

Однако я постиг и понял вашу суть.
Спешите же других завлечь и обмануть:
Я вновь не попадусь на ваши ухищренья!

О скопище лжецов, о подлые скоты,
Что сладко о добре и кротости вещают!
Спасение сулят погибшим ваши рты,
А нищим вечное блаженство обещают.
Так где ж он, ваш господь? Где он, спаситель ваш,
Который все простит, коль все ему отдашь,
Как вы внушаете?.. Где сын его чудесный?
А где же дух святой — целитель душ больных?
Пусть явятся! Ведь я больней всех остальных!
Иль маловато сил у троицы небесной?!

Личина сорвана, нелепых басен плод!
И все ж я сознаю: есть существо над нами,
Которое казнит, беду и гибель шлет,
И я... я избран им лежать в зловонной яме.
Порой оно спешит, чтобы меня поднять,
Но вовсе не затем, чтоб боль мою унять,
А смертных поразить прощением притворным,
То, указав мне цель, влечет к делам благим
И тут же мне велит сопротивляться им,
Чтоб счел меня весь мир преступником позорным.

Так вот он, где исток несчастья моего!
Награда мне за труд — нужда, обиды, хвори.
Ни теплого угла, ни денег — ничего.
Гогочут остряки, меня узревши в горе.
В бездушье схожие — заметь! — с тобой, творец,
Друг оттолкнул меня, отвергли мать, отец,
Я ненавистен всем и ничего не стою.
Что породил мой ум, то вызывает смех.

Малейший промах мой возводят в смертный грех.
Душа очернена усердной клеветой.

Когда бы я и впрямь хотя б кого-нибудь
Презреньем оскорбил, обидел нелюбовью,
Насмешкой дерзкою невольно ранил в грудь
Иль отдал бы во власть жестокому злословью,
То, веришь ли, господь, я даже был бы рад,
Расплату понеся, навек низринуть в ад
Иль стать добычею тех самых темных духов,
О коих у твоих прилежных христиан
За десять сотен лет в пределах разных стран
Скопилось множество пустых и вздорных слухов.

О ты, который есть начало всех начал!
Что значит поворот вселенского кормила?
Скажи, зачем в ту ночь отец меня зачал?
Зачем ты сделал так, чтоб мать меня вскормила?
Когда б тобой на жизнь я не был осужден,
Я был бы среди тех, кто вовсе не рожден,
В небытии покой вкушая беспредельный.
Но, созданный твоей всевластною рукой,
Вериги нищеты влачу я день-деньской,
И каждый миг меня колотит страх смертельный.

Будь проклят этот мир! Будь проклят свет дневной!
Будь трижды проклято мое долготерпенье!
Оставь меня, но вновь не тешься надо мной,
Не умножай мой страх! Даруй мне утешенье!
Христос, спаситель мой! Я вновь тебе молюсь.
В бессилии в твои объятия валюсь:
Моя земная жизнь страшной любого ада.
Я чую ад внутри, я чую ад вовне.
Так что ж способно дать успокоенье мне?
Лишь только смерть моя или твоя пощада!

К ОТЕЧЕСТВУ

Прощай, бесценная когда-то,
Меня родившая страна!
Ты, смертным ужасом объята,
Будь в близкой буре спасена!
Тебя покинув, я оставлю
Позор, обиды, зависть, травлю,
Друзей предательскую спесь.
Страна разбойничьих законов!
Клянусь, что в обществе драконов
Я был бы счастливей, чем здесь.

Ты вся пропитана обманом.
Честь, совесть, вера — все труха.
К моим стенам постоянным
Ты равнодушна и глуха.
Жестокосердая Леена *!
Как из родительского плена
Твоим сынам свершить побег?
На что тебе их ум? Их знанья?
Чтоб скрыть иные злодеянья?!
О лживый мир! О подлый век!

Мать сына в горе не оставит,
А коли сбился он с пути,
На верный путь его наставит,
Поможет истину найти.

* Леена — афинская гетера, воплощение непреклонности. Изображается в виде львицы.

Но ты иначе поступала:
Мне яд в лекарства подсыпала,
И не из праха подняла,
А, чтоб свои покрыть убытки,
Меня ограбила до нитки,
Убийц презренных наняла.

Ну что ж! Неправда правит миром.
Вот пастыри твои стоят:
В пустых сердцах, обросших жиром,
Лишь похоть гнусную таят.
Тартюфы, трутни и мерзавцы,
Мздоимцы и христопродавцы,
Они не выпустят из лап
Страну, захваченную ими,
Задохшуюся в смрадном дыме,
Кумиры толп, любимцы баб!

Здесь предрассудок мысль хоронит,
Богач пинает бедняка,
Ликует гнет, свобода стонет,
Терзает ворон голубка.
Ростовщики — враги Христовы —
Скупить отечество готовы
И в роскоши проводят дни.
Своекорыстные злодеи —
По сути те же иудеи,
Хоть не обрезаны они!

А на таможне, где граница,
Я только слышу, что ни день:
Что стоит шерсть? Почему пшеница?
Какие цены на ячмень?
Мужи германские устали.
А чем же наши дамы стали?

Достаточно взглянуть на них:
Одни румяна да белила!
Давно их Женственность забыла
И только Глупость любит их.

В таком безмерном запустенье
Я вижу родину свою.
Она — зачахшее растенье.
Ее с трудом я узнаю:
Ни вдохновения, ни мысли —
Они давным-давно прокисли
В удуше мерзостной тюрьмы.
Плоды искусства затерялись.
И тщетно мир спасти старались
Святые, светлые умы!

Страшусь! Гремят раскаты грома.
Холодный ветер тучи мчит.
Враги толпятся возле дома.
Рука расплаты в дверь стучит.
Что мне презренья? Что мне кара?
Стою, как Биант * средь пожара,
Покорен року своему.
С тобой не свидимся мы снова.
Но даже воздуха родного
Глотка с собою не возьму!

ПРИ ВРУЧЕНИИ ЕЙ ПЕРСТНЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЧЕРЕПА

Сей дар любви, сей дар сердечный —
Грядущий образ мой и твой.
Да не страшится разум вечный

* Один из семи античных мудрецов.

Бесплотной тени гробовой!
Но как сроднить вас, лед и пламень,
Любовь и надмогильный камень,
Вас, буйный цвет и бранный прах?
Любовь и смерть! Равна их сила,
Что все в себе соединила,
И мы — ничто в ее руках.

Кольцо исполнено значенья.
В червонном золоте кольца
Нетленность чувства, жар влеченья,
Друг другу верность до конца.
А бедный череп к нам взывает:
В гробу желаний не бывает,
Ни жизни нет там, ни любви.
Мы строим на песке зыбучем!
Так торопись! В лобзанье жгучем
Миг ускользящий лови!

Иоганн Вольфганг Гёте 1749—1832

АПОФЕОЗ ХУДОЖНИКА

Сцена представляет собой роскошную картинную галерею. Картины всех школ висят в широких золотых рамах. По залу прохаживается публика. Перед одной из картин сидит Ученик и делает копию.

*Ученик (встает с места,
кладет палитру и кисть
и становится позади своего стула).*

Вот и корплю здесь день-деньской,
Охвачен страхом и тоской.
Любой мазок и каждый штрих
Тяют тщету трудов моих.
Напрасно, выбившись из сил,
По клеткам я переносил
Все эти краски и цвета:
Мне дверь в искусство заперта!
Стою беспомощным глупцом
Перед великим образцом,
Как если б здесь средь бела дня
Крапивой высекли меня!..
Итак, чего еще я жду,
Пыхтя, потея, как в аду?
Ведь копию — я так и знал —
Не превратишь в оригинал!
Живой, свободный, пестрый мир
Здесь бледен, холоден и сир.

И блеск его, и свет его —
Все неподвижно, все мертво.
Мир, отливавший серебром,
Помойным выглядит ведром.
Усердью, воле вопреки
Ничтожна власть моей руки,
И немощ жалкую свою
Я с отвращеньем сознаю.

М а с т е р (*входит*).

Ну что же... Честно говоря,
Ты, сын мой, мучился не зря.
Теперь, достойное создав,
Поймешь, насколько был я прав,
Когда без устали твердил:
Чем больше ты затратишь сил,
Чем больше станешь ты корпеть,
Тем больше сможешь преуспеть...
Лишь навыки к тебе придут,
Как легким станет всякий труд.
А уж потом наверняка
Сомкнутся разум и рука.

У ч е н и к .

Вы чересчур добры ко мне:
Не все мне удалось вполне...

М а с т е р .

Себя напрасно не тревожь.
С отрадой вижу: ты растешь,
В труде упорном каждый день
Всходя на новую ступень...

А что до промахов иных —
Не бойся: разберемся в них...

Ученик (*рассматривая картину*).

Не зная отдыха и сна,
Все от тебя возьму сполна!

Любитель (*подходит к нему*).

Мне, право, странно наблюдать
Занятия такого рода.
Ведь что способно больше дать
Искусству, чем сама природа?
Лишь в повторенье естества
Лежит основа мастерства.
Природа мудрая, ей-ей,
Учитель всех учителей.
Все тайны духа скрыты в ней.
Поверьте мне: не стоит тщиться
Вслед за великими тащиться.
Нет в мире выше ничего,
Чем естество! Чем естество!

Ученик.

Все это слышал я не раз
И не сводил с природы глаз.
Мне встречи с ней казались раем.
И я порой преуспевал.
Но чаще высмеян бывал,
Не понят, проклят, презираем.
Нет! Труд такой мне не с руки,

И время тратить зря не стоит:
Холсты природы слишком велики,
А тайнопись природы кто откроет?

Любитель *(отворачиваясь)*.

Тут спора нет. Вопрос решен:
Он дарования лишен.

Ученик *(садясь)*.

Как будто и не начинал..
А как трудился, кто бы знал!..
Что ж. Все начать придется снова..

Второй мастер *(подходит к нему,
разглядывает его работу и молча удаляется)*.

Ученик.

О, молвите хотя б полслова!
Ваш строгий вкус непогрешим:
Избавьте же меня от горестных терзаний..
Чего уменьем я не заслужил своим,
То, верю, заслужил ценой своих стараний!..

Мастер.

Давно, мой друг, смотрю я на тебя,
То восторгаясь, то почти скорбя.
Есть божий дар в тебе, бесспорно,
Притом ты трудишься упорно,
И мир, лежащий пред тобой,
Ты вдохновенным взглядом жадно ловишь,

И кисть твою не остановишь,
Ведомую твоей рукой.
Ты в мастера себя готовишь
И многого достиг... Но знай...

Ученик.

Откройте мне свою науку!

Мастер.

Так вот. Не только взгляд и руку,
Но также разум упражняй!
Будь трижды гением — нелепо
Инстинкту подчиняться слепо.
Искусство вне ума — мертво!
Пусть тот художник, кто не мыслит,
Себя художником не числит:
Едины мысль и мастерство!

Ученик.

Усердье нужно для руки.
Природа пусть владеет глазом.
Но, мастер, только знатоки
Способны упражнять наш разум.
Постыдно, позабыв других,
Лишь о своей персоне печься.
Нет! От учеников своих
Вы не посмеете отречься!

Мастер.

Ах, сын мой, в ваши времена
Ученье чересчур легко дается.

И песнь, что мной когда-то создана,
По вкусу многим не придется.

Ученик.

Тогда скажите мне хотя б,
Каков мой труд на самом деле?
В чем он удачен? В чем он слаб?
Как вы относитесь к моей высокой цели?

(Указывает на картину, с которой он делал копию.)

Немею я пред этим образцом,
Бессмертным созданным творцом.
Художникам всех школ его предпочитаю
И хоть на шаг к нему приблизиться мечтаю.

Мастер.

Ты верно поступил, его избрав.
Ты очень молод — оттого и прав.
Ведь молодости надобно, чтоб крылья
Ей и восторг, и ненависть раскрыли.
Но свято чтя кумира своего,
Отдав ему и помыслы, и чувства,
Сумей понять и слабости его:
Не образцы люби. Люби искусство!

Ученик.

Полотнами его заморожен,
Гляжу — не нагляжусь. Какая мощь и смелость!..

Мастер.

Сумей сперва понять, что создал он,
А после — что создать ему хотелось,
И ты плотней приблизишься к тому,
Что спутниками гения зовется:
Ведь в мире не кому-то одному
Искусство, как и доблесть, достается.

Ученик.

Еще хочу спросить у вас...

Мастер.

Изволь... Но только не сейчас.

Инспектор картинной галереи (*подходит к ним*).

Какое, господи, везенье!
Ценнейшее произведенье,
Красу и славу всей земли
Мы только что приобрели!

Мастер.

Кто автор?

Ученик.

О, волшебный сон!

(*Указывая на картину, с которой он делал копию.*)

Не этот ли?

Инспектор.

Да. Точно, он.

Ученик.

Ужель мечте возможно сбыться —
Виденьем сладостным упиться?!
Где... где ж картина, господа?

Инспектор.

Ее уже несут сюда.
О, это чудо, безусловно, —
Вот князь и платит баснословно.

Торговец картинами (*входит*).

Итак, редчайшей из картин
В веках гордиться этой галерее!
Искусство поощривший властелин
Любых других правителей мудрее!
Внесите же ее сюда! Скорее!
Недостижимый идеал!
Заметьте: вся она лучится.
Таким сокровищем никто не обладал!
Мне будет тяжело с ним разлучиться.
На что мне золотые слитки?
Ах, здесь я все равно в убытке.

Вносят картину с изображением Венеры
Урании и ставят на мольберт.

Вот! Из его наследства — прямо!
Еще ни лака нет, ни рамы.

Здесь не нужна искусству лесть.
Все натурально. Все как есть.

Все собираются возле картины.

Первый мастер.

Нет, мощь какая! Посмотри!

Второй мастер.

А как все явственно... Как зримо!

Ученик.

Все у меня горит внутри.

Любитель.

Божественно! Неповторимо!

Торговец.

Он — в пору золотой своей зари!

Инспектор.

Обрамить холст необходимо!
Эй! Золотую раму! Эй!
Принц скоро будет здесь... Живей!

Картину помещают в раму и ставят на
прежнее место.

Принц (*входит и рассматривает картину*).
Да... Вижу... Это — превосходно!
Возьмите, сколько вам угодно.

Кассир кладет на стол мешок с цехинами и всхлипывает.

Торговец.

Не худо взвесить бы...

Кассир (*считая*).

Цена

Уже уплачена сполна.

Принц стоит перед картиной, остальные — в некотором отдалении. Открывается плафон: Муза, держа за руку Художника, влывает на облаке.

Художник.

Куда мы?

Муза.

Погляди-ка вниз.

Клянусь, там ждет тебя сюрприз:
Земные почести сверх меры.

Художник.

Я чую лишь давление атмосферы.

Муза.

Взгляни... Здесь — созданный тобой
Твой труд, твоей мечтой когда-то бывший,
А ныне свет звезды любой
Своим сиянием затмивший.
В тиши продуман до конца,
Создание разума и воли,
Твой дивный труд не оттого ли
Людские покорил сердца,
Что мощно выразил он своего творца?..
Вот мастера стоят, стремясь
Прилежно внять твоим урокам.
И замер пред холстом в почтении глубоком
Сей клад обретший мудрый князь.
А это — юный ученик.
Смотри, как он к тебе приник!
В его очах горит сердечное желанье:
Вобрать в себя твой дух, впитать твоё влияние.
Увы, земной недолог путь.
И все ж — во власти человека,
Великое творя, шагнуть
За рамки собственного века.
Так он и после смерти жив...
Принадлежат векам всецело,
Смерть и забвенью победив,
И слово доброе, и доблестное дело.
Ты честно заслужил бессмертия венец.
Вкуси бессмертие, творец!

Х у д о ж н и к

Хоть я теперь и сознаю,
Сколь Зевс украсил жизнь мою

И что сей миг счастливый означает,
Досада дух мой омрачает.
Когда любовник молодой
Считает тяжкою бедой
Разлуку с девушкой, томящейся в тревоге,
Утешить может ли его,
Что светом солнца одного
Обоих освещают боги?!
Что вам дано, мои творенья,
При жизни и не снилось мне.
И нет мне удовлетворенья
Ни в славе вашей, ни в цене.
Когда бы хоть частицу злата
От этой пышной рамы я имел,
Не голодали бы жена, ребята
И я бы вдоволь пил и ел.
Князь — друг, князь — щедрый покровитель,
Талантов истинный ценитель
Еще был скрыт во тьме веков.
Мы при монастырях кормились
И без ценителей томились,
А также без учеников.

(Указывая сверху на Ученика.)

И если участь юноши сего
Тебя заботит и тревожит,
Прошу: при жизни поддержки его!
Пусть вовремя ему твоя рука поможет,
Покуда он жевать и целоваться может!
И будут дни его легко и вольно длиться.
Обласкан музою, ей избран в сыновья,
Он сможет славою однажды насладиться
Не только в небесах. И радостней, чем я!

ПАРАБОЛЫ И ЭПИГРАММЫ

Рецензент

Был некто у меня в гостях,
Зашел узнать о новостях,
Сказал, что рад меня проведать,
И я позвал его обедать.
Вот он за стол с улыбкой сел
И столько выпил, столько съел,
Что насмерть чуть не обожрался
Потом, откушавши, поднялся,
Пошел к соседу моему
И ну давай шептать ему:
«Суп безобразен! Дрянь — жаркое!
Вино — черт знает что такое!..»

О всеблагие небеса!
Он — рецензент! Убейте пса!

Оригинал

Сказал художник: «Я влияньям не подвержен!
Нет в мире мастеров, к которым я привержен,
И я ни у кого не проходил ученья,
И я не признаю ни одного течения!»
Ах, вот как! Что ж, побьемся об заклад:
Он попросту дурак на свой особый лад.

Годы

Хороший нрав у юных лет:
Чего ни попросишь — отказа нет,
И в дружбе с ними, без всякой опаски,
Мы можем прожить, как в волшебной сказке.
Но вдруг характер меняют года.
Это — сварливейшие господа.
Взаимы не дают, без конца укоряют
И все, что давали, назад забирают.

Фридрих Шиллер
1759—1805

КОЛЕСНИЦА ВЕНЕРЫ

Дин-дон! Дин-дон! Всех, кто жив на свете,
На судилище зову!
Дин-дон! Дин-дон! Прометей дети,
Вот вам чудо наяву!

Пламенных юнцов и старцев мудрых
Гул колоколов скликает к нам,
Трепетных девчонок златокудых
И холодных, благочинных дам.

Короли, философы, матроны
Толпами стекаются сюда —
Все, чью мудрость стрелы Купидона
Вдребезги разбили без труда.

Двигутся с улыбкою притворной
Те, кто, длани к небу устремив,
Воплями на паперти соборной
Заглушают совести призыв,

Кто в слезах в смирении унылом
Гасит сердца похотливый зной...
Фарисеи с янусовым рылом,
Встаньте молча предо мной!

Всех зову: еще не преступивших
Розами увенчанный порог,
Девственной душою не вкусивших
Ни страстей любовных, ни тревог.

Кто готов отведать яд и ныне
На распутье потрясенный встал:
Здесь — благоуханная богиня,
Там — безгрешной жизни идеал;

Кто уже знаком с хмельною чашей
И спешит бесстыдницу обнять —
Возвратись, юноши, чтоб нашей
Многомудрой лире внять!

Наконец, кто пил ее лобзанья,
Жертвы необузданных страстей,
К нам, на суд! И дайте показанья
Против обольстительницы сей!

Дин-дон-дон! — летит по всем дорогам.
Гогот черни слышится вдали.
В кандалах, прикованную к дрогам,
Шлюху Афродиту привезли.

Вот она, блудница, что от века
Род людской морочила всегда.
Не она ль смутила человека
Красотой запретного плода?

Стой, мамзель! Иль мыслишь, как доселе
Справедливой кары избежать?
Ты не у Людовика в постели!
Здесь тебе помост, а не кровать!

Не к чему сегодня строить глазки,
Повторять кокетливую ложь.
Не спасут заученные ласки —
Этого судью не проведешь.

Вот, каналья! Нет тебе пощады!
Ну-ка юбку заверните ей!
Плетью — хватъ по розовому заду!
Так! Еще раз! Всыпьте посылней!

Слушайте! В судебном протоколе —
Все ее злодейские дела,
В чем она призналась поневоле,
Хоть сперва юлила и лгала.

Венценосцев, королей суровых,
Призванных строжайше чтить мораль,
Сладострастьем уст своих медовых
Заманила сводница в сераль.

Там не раз носители короны
Делались подобием скота,
И об этом в хронике Назона
Есть весьма занятные места.

А желаешь избежать скандала —
Как Юпитер поступай, тайком:
В грязь швырнет он мантию, бывало,
И тотчас становится быком.

Впрочем, маскировка под скотину
Многим Зевсам нынешним под стать
Прав народ, велевший властелину
В чистом поле травку пощипать!

Их сердца мертвы для сострадания
(Что ж! Им раем кажется земля),
Гложут их безумные желанья.
Тигр и тот добрее короля!

Возле коронованного зверя
Суетятся сводни и дельцы,
Фавориткам отпирая двери,
Добывают деньги и венцы.

И нередко — о, предел коварства! —
Шлюха в царский кабинет войдет,
В сложную машину государства
Пальцы беспрепятственно сует.

Королям слепым она — как посох,
Слабоумным — библии взамен.
Разве в Дельфах не оракул в косах
Предрекал нам близость перемен?

Грабь! Дави! Иди любой дорогой!
Не страшись разгневанной молвы!
Только леди Пифию не трогай —
Иначе не сносишь головы.

Сколько шельма сбросила с престола —
Ни в каких стихах не передашь!
Сколько образин мужского пола
Вознесла за их любовный раж!

Даже тот прославленный навеки
Гений боя, баловень войны,
Кто, пролив солдатской крови реки,
Мог дойти до Марса и Луны,

Кто на мир безудержно и бурно
Налетал неистовой грозой
И пред ликом дальнего Сатурна
Плакал безутешною слезой,

Тот юнец, кто на вселенском троне
Не привык страшиться ничего,
Был пленен блудницей в Вавилоне,
И — конец владычеству его!

Сладкозвучным голосом сирены
Многих убаюкала она —
Тех, кто к делу рвался вдохновенно,
Чья душа для славы рождена.

Губит жизнь змеиный яд блудницы,
Отравляет радость майских дней.
Сгорблены, мрачны и желтолицы
Юноши, ужаленные ей.

Глянь на них — ходячие скелеты!
Не таких ли хладный ждет Коцит?
Им косу бы дать, и скажешь: это
Смерть сама перед тобой стоит.

Юноши, клянитесь клятвой вечной,
На скрижалях выбейте закон:
Избегать Харибды бессердечной.
И — хвала вам до конца времен!

Добродетель губит эта дама,
Беспощадно гасит мысли свет.
Так — в измятых розах нет бальзама,
Так — в разбитой скрипке звуков нет.

Разрушает Фрина силу духа,
Копошится, источая яд,
В механизме сердца потаскуха:
Миг — и стрелки совести стоят.

Будь велик, будь трижды гениален,
Но спознался с нею — и тогда
Из души безжизненных развалин
Звука не исторгнешь никогда.

Сколько старцев, на краю могилы
Молча вставших с ветхою клюкой,
Афродита дерзко поманила
Нагло обнаженною рукой.

Тот ударил в высохшие нервы,
В дряхлых членах дрожь не побороть,
И безбожно-сладкий голос стервы
Всколыхнул очнувшуюся плоть.

С пагубною прытью загудела
Кровь в застывших венах старика,
Напряглось изношенное тело,
Блещут очи: цель недалека!

Рот признанья жаркие бормочет...
Вдруг она с беспечнейшим лицом
Прыг в сторонку! Встала и хохочет
Над измученным бойцом.

Даже в храмах удалось пройдохе
Грязные обдeldывать дела.
О, сколь часто сладострастья вздохи
Устремлялись ввысь, под купола!

Сколько слез — из ящика Пандоры —
Лили в церкви тысячи очей.
Сколько, сколько слышали соборы
Ведьмою нашепанных речей!

Как известно, мир сквозь покрывало
Нам чудесней кажется подчас.
С детства стон церковного хорала
Рой видений пробуждает в нас.

Семь раз на день с добрым Михаилом
Добрый состязается Молох.
Каждому великий труд по силам:
Этот славен, да и тот — неплох.

Вдруг — удар! И треснул меч Молоха.
(Бедная! Ее кидает в пот!)
Искренне, без всякого подвоха
Воину иглу она дает...

Томные, упитанные вдовы,
В сорок лет гонимые тоской,
В монастырь отправиться готовы,
Не предвидя радости мирской.

Жгуче-темпераментные дамы,
Проклиная немощных мужей,
Страстно ищут в полумраке храма
То, чего им не дал Гименей.

Горячит им кровь святая вера,
Щеки жарким пламенем горят.
Ах, и здесь печать свою Венера
Ставит на божественный обряд.

Их молитвы — вопли нимфоманки
(Как заметил доктор Циммерман).
Матерь божью в образе вакханки
Ловко им рисует Тициан...

Как-то заподозренную в блуде
Афродиту в ратушу ввели.
Но обмякли слуги правосудья,
Даже слова молвить не смогли.

Ненароком запахнулось платье ль,
Или в этом тонкий был расчет,
Но заерзал в кресле председатель,
У судейских с губ слюна течет.

Ну, какое вынести сужденье?
Сами посудите — как тут быть?
«Девушка... достойна... снисхожденья...
Предлагаю... дело... прекратить!»

К счастью, председателя супруга
Вовремя смогла прорваться в зал.
Председатель замер от испуга
И — преступницу связал.

Даже клир (была она в уме ли?!)
Гадина оплевывала власть.
Ну и что? Мы даже не посмели
Ей заткнуть разнузданную пасть.

Бедных дам, живущих жизнью сирой,
Без огня и трепета в крови,
Рыцарей с обрубленной рапирой,
Ставших инвалидами любви,

Шлет богиня с пенсией убогой
Отдыхать от гибельных страстей,
А иных пошлет другой дорогой —
К Мудрости, противнице своей.

(Слушай, Мудрость! Радоваться рано.
Погляди на рекрутов своих:
По причине тайного изъяна
Набожность подобная у них.

Улыбнись Амур им благосклонно,
Афродита подмигни хоть раз —
И — увы! — под старые знамена
Каждый дезертирует тотчас.)

Сам альков стал тесен для блудницы.
Извращенной страсти не тая,
Даже пола четкие границы
Преступает хищная змея.

Но довольно!.. Кончим список черный.
Молкнут струны, цепенеет рот.
Бросьте ж ведьму на помост позорный,
Где стервятник мертвечину рвет.

Пусть палач железом раскаленным
Выжжет «Смерть» на мраморном челе,
И со лбом, навеки заклеянным,
Грешницу погонят по земле.

Так вот рек судья об Афродите...
— Кто же тот судья, скажи, поэт?
Где он жил? — Ну, если вы хотите,
Так и быть! Открою вам секрет:

В дни, когда морей земного шара
Христофор Колумб не бороздил,
Не было Кортеса и Пизарро,
На пустынном острове он жил.

И поэты, струнами бряцая,
Тот клочок неведомой земли
Именем потерянного рая
И преддверьем счастья нарекли.

Но в тот самый миг, когда мужчину
Обманула женщина впервой,
Сорвался в бездонную пучину
Дивный остров грезы золотой.

Грустно он маячит в океане,
Не один корабль его встречал,
Но тотчас в береговом тумане
Разбивался вдребезги у скал.

ВЫТРЕЗВЛЕНИЕ БАХУСА

Валит валом из ворот
Весь народ,
Взяли парня в оборот!
«Отчего ж ты, брат, невесел?
Ведь немало куролесил —
Скольких с толку сбил ты, брат!
Делал умника болваном,
Застилал глаза туманом,
Одурачивал рассудки,
Выворачивал желудки,
В тигров обращал ягнят!

Набекрень сдвигали шляпы
Мы, в твои поавши лапы,
И мелькали в дикой пляске
Зданья, улицы, коляски.

Неспроста тебя винят!
Что ж! Отведай в этой клетке
Горький плод своей же ветки;
Выворачивай желудок,
Потеряй и ты рассудок.

Не уйдешь отсюда, брат, —
Будешь сам себе ты рад!»
Валит валом из ворот
Весь народ,
Взяли парня в оборот!
«Мы тебя, браток, потешим,
Языки теперь почешем.

Вспомни, старый зубоскал,
Как, твое вкусивши зелье,
Мы кружились каруселью,
Как в глазах у нас темнело,
Как в ушах у нас звенело.

Получай, чего искал!
Из пивной, бывало, выйдем —
Солнца на небе не видим,
Выпив чертову отраву,
С ходу валимся в канаву.

Вспомни, старый зубоскал,
Как луна хмельною ночью
Нам казалась винной бочкой,
Как мы башни и курганы
Принимали за стаканы.

Вспомни, старый зубоскал!
Получай, чего искал!»
Валит валом из ворот

Весь народ.
Взяли парня в оборот!
«Козни плесть ты мог неплохо.
Отчего ж примолк, пройдоха?
Иль не знаешь, как тут быть?
Видно, в этой переделке
Ты забыл свои проделки
И, умаявшись от качки,
Стал подобен глупой прачке,
 Растеряв былую прыть!
Но послушай: ведь не худо
Улизнуть тебе отсюда.
Так беги ж, спасая шкуру,
К своему дружку Амуру.
Прочь, негодный лоботряс!
 Улепетывай-ка! Живо!
Мы ведь, парень, незлобивы,
Но коль снова попадешься,
От расправы не спасешься!
 Что, бездельник? Понял нас?
 Ну, так вот тебе наказ!»

МУЖИЦКАЯ СЕРЕНАДА

Слышишь? Выгляни в окно!
 Средь дождя и мрака
Я торчу давным-давно,
 Мерзну, как собака.
Ну и дождь! Потоп крутом!
Барабанит в небе гром.
 Спрятаться куда бы?
До чего же ливень зол!
Мокнут шляпа и камзол

Из-за вздорной бабы.
Дождь и гром. В глазах черно.
Слышишь? Выгляни в окно!

К черту! Выгляни в окно!

Холод сводит скулы.
Месяц спрятался. Темно.

И фонарь задуло.
Слышишь? Если, на беду,
Я в канаву упаду —

Захлебнуться можно.
Темнота черней чернил.
Дьявол, знать, тебя учил
Поступать безбожно!
Дождь и гром. В глазах черно.
Баба, выгляни в окно!

Дура, выгляни в окно!

Ах, тебе не жалко?
Я молил, я плакал, но —
Здесь вернее палка.
Иль я попросту дурак,
Чтоб всю ночь срамиться так

Перед целым светом?
Ноют руки, стынет кровь —
Распроклятая любовь
Виновата в этом!
Дождь и гром. В глазах черно.
Стерва, выгляни в окно!

Тьфу ты черт! Дождусь ли дня?..

Только что со мною?..
Эта ведьма на меня
Вылила помой!

Сколько я истратил сил,
Холод, голод, дождь сносил
 Ради той чертовки!
Дьявол в юбке!.. Хватит петь!
Не намерен я терпеть
 Подлые издевки.
Дождь и ветер! Шут с тобой!
Баста! Я пошел домой!

ДОСТОИНСТВО МУЖЧИНЫ

Да, я — мужчина! Кто другой
С моей сравнится силой?
Найдись такой — пляши и пой
И не робей, друг милый!

Лицом подобен богу я
И вынужден признаться,
Что пью свободно из ручья,
Где небеса струятся.

Я горд, что черпать в нем могу,
Что тем ручьем владею.
Навстречу девушке бегу —
Целую прямо в шею!

Она красна, что маков цвет.
Известно, в чем причина:
Стал тесен девушке корсет —
Понятно, я ж мужчина.

Когда в купальню к ней ворвусь,
О, как она заплачет!

Ведь я — мужчина, и, клянусь,
Немало это значит!

Да, я — мужчина, хоть порой
Одет весьма плачевно,
Но оставлять вдвоем со мной
Опасно и царевну.

Словцо я знаю, чтоб тотчас
Нежнейшие принцессы
Меня любили, а не вас,
Вельможные балбесы!

Да, я — мужчина! Суть мою
Вам лира доказала.
На ней победу я пою,
Мне хныкать не пристало!

Ведь вспоены одной рекой,
Истоком всех творений,
Воззвавшим к жизни род людской,
И божество и гений.

Тиранов я могу стереть
Победным талисманом,
Что рад скорей в огне сгореть,
Но не служить тиранам.

Он против перса вел полки
На Гранике продымлен,
И на германские пески
Швырял развратных римлян.

Взгляните: кто это сидит
Там, в африканском пекле?

Кудряв. Могуч. Огонь кипит
В очах, подобных Гекле.

Явился отрок молодой,
А тот ему надменно:
«Ты чуешь? Марий пред тобой
На прахе Карфагена!»

Велик, хотя и побежден,
Он даром не сдается.
Ведь и в беде — мужчина он,
И мир пред ним трясется.

Но внуки жалкие его
Все промотали с детства,
И не осталось ничего
От славного наследства.

Эх, племя! Не душа — а пар!
Без пользы и без славы
Вы прошутили высший дар —
Свое мужское право.

Кряхтя, с улыбкой неживой
Бредут толпой бесполой,
Тряся порожней головой,
Подобной тыкве полой.

Так старый химикус вино
Прогонит сквозь реторту —
И что ж: название одно,
А спирт и крепость — к черту!

Едва завидят женский взгляд,
Они дрожат, и млеют,

И замирают, и скулят —
Хотят, да не умеют.

Мрачнеют сердцем и лицом...
Не зря их зависть гложет:
Кто не способен быть отцом,
Тот и любить не может!

Вот отчего, гордясь собой,
Кричу подруге милой:
«Да! Я — мужчина! Кто другой
С моей сравнится силой!»

МУДРЕЦЫ

Тот тезис, в ком обрел предмет
Объемисодержанье, —
Гвоздь, на который грешный свет
Повесил Зевс, от страшных бед
Спасая мирозданье,
Кто этот тезис назовет,
В том светлый дух, и гений тот,
Кто сможет точно взвесить,
Что двадцать пять — не десять.

От снега — холод, ночь — темна,
Без ног — не разгуляться,
Сияет на небе луна.
Едва ли логика нужна,
Чтоб в этом разобраться.
Но метафизик разъяснит,
Что тот не мерзнет, кто горит,
Что все глухое — глухо,
А все сухое — сухо.

Герой врагов разит мечом,
Гомер творит поэмы.
Кто честен — жив своим трудом,
И здесь, конечно, ни при чем
Логические схемы.
Но коль свершить ты что-то смог,
Тотчас Картезиус и Локк
Докажут без смущенья
Возможность совершенья.

За силой — право. Трусить брось —
Иль встанешь на колени!
Издrevле эдак повелось,
И скверно б иначе пришлось
На жизненной арене.
Но чем бы стал порядок тот,
Коль было б все наоборот,
Расскажет теоретик —
Истолкователь этик:

«Без человека человек
Благ не обрящет вечных.
Единством славен этот век.
Сотворены просторы рек
Из капель бесконечных!»
Чтоб нам не быть под стать волкам,
Герр Пуффендорф и Федер нам
Подносят как лекарство:
«Сплотитесь в государство!»

Но их профессорская речь —
Увы! — не всем доступна.
И чтобы землю уберечь
И нас в несчастья не вовлечь,

Природа неотступно
Сама крепит взаимосвязь,
На мудрецов не положась.
И чтобы мир был молод,
Царят любовь и голод!

РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ

Зевс молвил людям: «Забирайте землю!
Ее дарю вам в щедрости своей,
Чтоб вы, в наследство высший дар приемля,
Как братья стали жить на ней!»

Тут все засуетились торопливо,
И стар и млад поспешно поднялся.
Взял земледелец золотую ниву,
Охотник — темные леса,

Аббат — вино, купец — товар в продажу,
Король забрал торговые пути,
Закрыв мосты, везде расставил стражу:
«Торгуешь — пошлину плати!»

А в поздний час издалека явился,
Потупив взор, задумчивый поэт.
Все роздано. Раздел земли свершился,
И для поэта места нет.

«О, горе мне! Ужели обделенным
Лишь я остался — твой вернейший сын?» —
Воскликнул он и рухнул ниц пред троном.
Но рек небесный властелин:

«Коль ты ушел в бесплодных грез пределы,
То не тревожь меня своей мольбой.
Где был ты в час великого раздела?»
«Я бы л , — сказал поэт , — с тобой!

Мой взор твоим пленился светлым ликом,
К твоим словам мой слух прикован был.
Прости ж того, кто в думах о великом
Юдоль земную позабыл!»

И Зевс сказал: «Так как же быть с тобою?
Нет у меня ни городов, ни сел.
Но для тебя я небеса открою —
Будь принят в них, когда б ты ни пришел!»

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Друзья, на коней! Покидаем ночлег!
В широкое поле ускачем.
Лишь там не унижен еще человек,
Лишь в поле мы кое-что значим.
И нет там заступников ни у кого —
Там каждый стоит за себя самого.

Свободы теперь на земле не найдешь —
Застыли рабы на коленях.
И властвуют злоба, коварство и ложь
В трусливых людских поколениях.
И только солдат никому не слуга,
Он смерти самой обломает рога!

Он страха не знает, робеть не привык,
Опасность его не тревожит;

Навстречу судьбе он летит напрямик
И завтра с ней встретиться может.
Что ж, завтра так завтра! А нынче сердца
Остаток веселья допьют до конца!

Он счастья не клянчит, а в битвах берет.
Шлет небо удачу герою.
Батрак, тот в земле копошится, как крот.
«Здесь, — думает, — клад я отрою!»
Он роет и роет, покорный судьбе,
А выроет только могилу себе.

Вот в замок, где люстры сияют в окне,
Сверкают, как сотни жемчужин,
Непрошенный гость на горячем коне
Прискачет на свадебный ужин.
Не даст он подарков, не станет ждать,
А выкуп любовью велит подать!

С чего тебя, девка, тоска извела?
Не плачь, все равно не поможет!
Ведь нет у него своего угла,
И верность хранить он не может:
Простится с тобой — и помчится к другим,
Военной судьбою по свету гоним.

Вставайте ж, товарищи! Кони храпят,
И сердце ветрами продуто.
Веселье и молодость брагой кипят.
Ловите святые минуты!
Ставь жизнь свою на кон в игре боевой,
И жизнь сохранишь ты, и выигрыш — твой!

Адельберт Шамиссо

1781—1838

ИГРУШКА ВЕЛИКАНШИ

В Эльзасе замок Нидек известен с давних пор —
Обитель великанов, детей могучих гор.
Давно разрушен замок — не сыщешь и следа,
И сами великаны исчезли навсегда.

Однажды — это было в забытый, давний год —
Дочь великана вышла из крепостных ворот,
Спустилась по тропинке, увлечена игрой,
И вскоре очутилась в долине, под горой.

Сады, луга и нивы — все незнакомо ей.
Близ Гаслаха достигла она страны людей.
И города, и села, и пастбища, и лес
Предстали перед нею как чудо из чудес.

Нагнулась великанша и, радости полна,
Крестьянина и лошадь заметила она.
Потешное созданье возделывало луг.
Стальными лемехами сверкал на солнце плуг.

«Ах, что за человек! И лошадь — с ноготок!»
И девочка достала свой шелковый платок,

Находку завернула и с этим узелком
Вприпрыжку побежала в свой замок напрямиком.

Домой она приходит, открыла дверь и вот
С веселою улыбкой родителя зовет:
«Отец! Взгляни, какую игрушку я нашла!
О, как она забавна и до чего мила!..»

Охваченный раздумьем, старик отец сидел,
Вина из кубка отпил, на дочку поглядел:
«Да что там копошится? А ну-ка, покажи,
Свой шелковый платочек скорее развяжи».

И бережно достала она из узелка
Забавную игрушку — седого мужика.
Поставила на столик коня его и плуг
И, хлопая в ладоши, забегала вокруг.

Но тут старик родитель стал хмурым, словно ночь:
«Нет, это — не игрушка! Что сделала ты, дочь?
Не медля ни мгновенья, назад его снеси.
Крестьянин — не игрушка! Господь тебя спаси!

Когда бы не крестьянин — не труд его, замечь, —
Без хлеба нам с тобою пришлось бы умереть.
И навсегда запомни, что великанов род
В веках свое начало от мужиков берет!»

...В Эльзасе замок Нидек известен с давних пор —
Обитель великанов, детей могучих гор.
Давно разрушен замок, не сыщешь и следа,
И сами великаны исчезли навсегда.

КОРОЛЬ ЖИЛ НА СЕВЕРЕ ДИКОМ...

Когда-то на севере диком
Стоял королевский дворец.
Король был владыка владыкам,
Богач, самодур и гордец.

Но вот перед смертью склонилась
Седая его голова.
Наследников трое явилось:
Волк, медведь и сова.

И молвил он: «Другу медведю
Я чащу лесную отдам.
Ни дети мои, ни соседи
Не смеют охотиться там!

Сова, моя верная мамка!
За долгую службу твою
Развалины старого замка
В наследство тебе отдаю.

А волку пустынное поле
В стране я оставил родной.
Ты, братец, насытишься вволю
Телами загубленных мной!»

И только он это промолвил,
Навеки закрыл он глаза.
И градом, и стрелами молний
Ударила в землю гроза.

УЖ ТАК НА СВЕТЕ ПОВЕЛЮСЬ...

В далеком детстве день-деньской
Мать беспощадною рукой
 Меня лупила розгой.
Но быстро движутся года,
Пошел я в школу, и тогда
 Мне стало еще хуже.

Не мог я чтенья одолеть.
Да вот пришлось! Иначе — плеть!
 Противиться напрасно!
Так под побоями я рос,
Не оставляя светлых грез.
 Но стало еще хуже.

Заботы юношеских лет:
Все денег, денег, денег нет.
 Но деньги появились.
И потащила наконец
Меня бабенка под венец.
 Тут стало вовсе худо!

Ах, распроклятая карга!
Я — муж, я — нянька, я — слуга,
 Дрожу, от страха тая!
О детства солнечные дни!
О годы счастья! Где они?
 Где розга золотая?!

Генрих Гейне

1797—1856

ЖАЛОБА СТАРОНЕМЕЦКОГО ЮНОШИ

Блаженны те, что честь хранят,
Презренны, что честь утратили!
Меня — несчастного юношу —
Сгубили дурные приятели!

Они завладели моим кошельком
Не в ту роковую минуту ли,
Когда они к картам меня подвели
И с грязными девками спутали?

И вот, когда я упился в дым,
Совсем потерявши голову,
Они меня — бедного юношу —
Швырнули на улицу голого.

А утром, очнувшись, почувял я —
Ползут по спине мурашки.
Сидел я — несчастный юноша —
В Касселе, в каталажке!

РАМПСЕНИТ

Лишь властитель Рампсенит
Появился в пышном зале
Дочери своей — как все
Вместе с ней захохотали

Так и прыснули служанки,
Черным евнухам потеха;
Даже мумии и сфинксы
Чуть не лопнули от смеха.

Говорит царю принцесса:
«Обожаемый родитель,
Мною за руку был схвачен
Ваших кладов похититель.

Убежав, он мне оставил
Руку мертвую в награду.
Но теперь я раскусила
Способ действий казнокрада.

Поняла я, что волшебный
Ключ имеется у вора,
Отпирающий мгновенно
Все задвижки и запоры.

А затвор мой — не из прочных.
Я перечить не решилась,
Охраняя клад, сама я
Драгоценности лишилась».

Так промолвила принцесса,
Не стыдясь своей утраты.
И тотчас захохотали
Камеристки и кастраты.

Хохотал в тот день весь Мемфис.
Даже злые крокодилы
Добродушно гоготали,
Морды высунув из Нила,

Внемля царскому указу,
Что под звуки трубных маршей
Декламировал глашатай
Канцелярии монаршей:

«Рампсенит — король Египта,
Правя милостью господней,
Мы привет и дружбу нашу
Объявить хотим сегодня,

Извещая сим рескриптом,
Что июня дня шестого
В лето тысяча сто третье
До рождения Христова

Вор неведомый похитил
Из подвалов казначейства
Грудю золота, позднее
Повторив свои злодейства.

Так когда мы дочь послали
Клад стеречь, то пред рассветом
Обокрал ее преступник,
Дерзкий взлом свершив при этом.

Мы же, меры принимая,
Чтоб пресечь сии хищенья,
Вместе с тем заверив вора
В чувствах дружбы и почтенья,

Отдаем ему отныне
Нашу дочь родную в жены
И в князя его возводим,
Как наследника короны.

Но поскольку адрес зятя
Неизвестен нам доселе,
Огласить желанье наше
Мы в рескрипте повелели.

Дан Великим Рампсениом
Сентября двадцать восьмого
В лето тысяча сто третье
До рождения Христова».

Царь исполнил обещанье:
Вор обрел жену и средства,
А по смерти Рампсениита
Получил престол в наследство.

Правил он, как все другие.
Слыл опорой просвещенья.
Говорят, почти исчезли
Кражи в дни его правленья.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА

Как весело окна дворца Тюильри
Играют с солнечным светом!
Но призраки ночи и в утренний час
Скользят по дворцовым паркетам.

...В разубранном павильоне de Flor
Мария-Антуанетта
Торжественно совершает обряд
Утреннего туалета.

Придворные дамы стоят вокруг,
Смущенья не обнаружив.

На них — брильянты и жемчуга
Среди атласа и кружев.

Их талии узки, фижмы пышны,
А в ножках кокетства сколько!
Шуршат волнующие шелка.
Голов не хватает только!

Да, все — без голов!.. Королева сама,
При всем своем царственном лоске,
Стоит перед зеркалом без головы
И, стало быть, без прически.

Она, что носила с башню шиньон
И титул, который так громок,
Самой Марии-Терезии дочь,
Германских монархов потомок, —

Теперь без завивки, без головы
Должна — нет участи хуже! —
Стоять среди фрейлин незавитых
И безголовых к тому же!

Вот — революции горький плод!
Фатальнейшая доктрина!
Во всем виноваты Жан-Жак Руссо,
Вольтер и гильотина!

Но удивительно странная вещь:
Бедняжки — даю вам слово! —
Не видят, как они мертвы
И до чего безголовы.

Вся та же отжившая дребедень!
Здесь все как во время оно:

Смотрите, как смешны и страшны
Безглавые их поклоны.

Несет с приседаньями дама d'atour
Сорочку монаршей особе,
Вторая дама сорочку берет,
И приседают обе.

И третья с четвертой, и эта, и та
Знай приседают без лени
И госпоже надевают чулки,
Падая на колени.

Присела пятая — подает
Ей пояс. А шестая
С нижнею юбкой подходит к ней,
Кланяясь и приседая.

С веером гофмейстерина стоит,
Командуя всем парадом,
И за отсутствием головы
Она улыбается задом.

Порой любопытное солнце в окно
Посмотрит на все это чудо,
Но, старые призраки увидав,
Спешит убраться отсюда!

ВАЛЬКИРИИ

На земле — война... А в тучах
Три валькирии летучих
День и ночь поют над ней,
Взмылив облачных коней:

«Власти спорят, люди страждут,
Короли господства жаждут.
Власть — превысшее из благ.
Добродетель — в звоне шпаг.

Эй, несчастные, поверьте:
Не спасет броня от смерти;
Пал герой, глаза смежив,
Лучший мертв, а худший жив.

Флаги. Арки. Стол накрытый.
Завтра явится со свитой
Тот, кто лучших одолел
И на всех ярмо надел.

Вот въезжает триумфатор.
Бургомистр или сенатор
Подлецу своей рукой
Ключ подносит городской.

Эй! Венки, гирлянды, лавры!
Пушки бьют, гремят литавры,
Колокольный звон с утра.
Чернь беснуется: «Ура!»

Дамы нежные с балкона
Сыплют розы восхищенно.
И, уже высокочтим,
Новый князь кивает им...»

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Много женщин — много блошек,
Много блошек — зуду много.
Пусть кусают! Эгих крошек
Вы судить не смейте строго.

Мстить они умеют больно,
И когда порой ночью
К ним прижметесь вы невольно —
Повернутся к вам спиной.

* * *

Юноша девушку любит,
А ей полюбился другой.
Но тот — не ее, а другую
Назвал своей дорогой.

За первого встречного замуж
Девушка с горя идет,
А юноша тяжело страдает,
Спасенья нигде не найдет.

История эта — не новость,
Так было во все времена.
Но сердце у вас разобьется,
Коль с вами случится она.

ОГЛЯДКА

На милой земной этой кухне когда-то
Вдыхал я все запахи, все ароматы.

Знавал я такие восторги порой,
Каких ни один не изведal герой!
Пил кофе, пирожными я обедался,
С прекрасными куклами забавлялся
И в модном всегда щеголял сюртуке.
Дукаты звенели в моем кошельке.
Как Геллерт, крылатого гнал я коня,
Дворец восхитительный был у меня.
В долинах блаженства дремал я, бывало,
И солнце лучами меня целовало.
Лавровый венок мне чело обвивал
И грезы волшебные мне навевал.
Мечтанья о розах, о радостях мая
Тогда я лелеял, печали не зная.
Не думал о смерти, не ведал забот,
И рябчики сами летели мне в рот.
Потом прилетали ко мне ангелочки
С бутылкой шампанского в узелочке,
Но лопнули мыльные пузыри!
На мокрой траве я лежу, смотри —
Свело ревматизмом мне ноги и руки.
Душа скорбит от стыда и муки.
Все то, чем когда-то так счастлив я был,
Я самой ужасной ценой оплатил.
Отраву мне поддивали в напиток,
Меня клопы подвергали пытке,
Невзгоды одолевали всюду.
Я должен был лгать и выклянчивать ссуду
У старых кокоток и юных кутил,
Как будто я милостыню просил.
Теперь надоело мне по свету шляться,
Теперь я в могиле хочу належаться.
Итак, прощайте, собратья Христовы,
Надеюсь, в раю мы увидимся снова!

Георг Гейм
1887—1912

РОССИЯ

За Верхоянском, среди безлюдной мглы,
На каторжные загнаны работы,
Угрюмые, бредут седые роты,
И день, и ночь гремят их кандалы.

Но рты молчат. Мы их не слышим речи.
Лишь в рудниках стоит неясный гул...
Вооружен бичами караул.
Удар! Худые вздрагивают плечи...

Колонны возвращаются в бараки.
Луна — тусклей ночного фонаря.
Идут, в снегу протоптанной тропею...

Им зарево мерещится во мраке
И на шесте, над страшною толпою,
Отрубленная голова паря.

Март, 1911

Иоахим Рингельнац
1883—1934

РОБКОЕ СЛОВО

Жило
Робкое слово...
Оно
Было случайно обронено,
В испуге тотчас под диван
Забилось,
Где и забылось...

Потом было вот что:
В субботу, рано,
При выколачиваньи дивана,
Слово
Берте в левое ухо
Влетело...
(Левое было глухо.)

Но тут внезапный порыв ветерка
Слово вынес под облака,
И слово
Пристроилось — прямо с лета —
В полупустой голове пилота.

Затем,
Очевидно, не выдержав качку,
Упало вниз оно,
На батрачку,
Обнимаемую батраком,
При этом плакавшую тайком.

Слово
Ресницы ей осушило,
Как будто именно к ней спешило,
Чтоб просветлело ее лицо...

Но тут литератор заметил словцо,
Звучавшее искренне, хоть и тихо.
Раздул, разодел, разукрасил лихо
И преподнес его, как на блюде:
— Нате, мол, ешьте, добрые люди!..

И жалкое, бедное
Слово
Дрожащее,
Испорченное, будто не настоящее,
Пошло скитаться по белу свету,
Пока не досталось оно поэту,
Который бережно перенес
Его
В свое царство волшебных грез.

Вдруг появляется пародист.
Он был предприимчивый малый.
Достал из портфеля бумажный лист.
Словцо осмотрел: — Подойдет, пожалуй!..

Смешал его
С дерьмом и ядом,
С мелодийкой,
Содранной у какой-то бездарности.
И слово пошло колесить по эстрадам,
Достигнув вершин популярности.

Теперь оно громко звучит «в народе»...
И все же
Не изменило своей природе
И в новом обличье, и в новой коже.

Таится в самой его сердцевине
Нечто никем не расслышанное,
Так и не узнанное доньше,
Робкое и возвышенное.

Курт Тухольский
1890—1935

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

Отец убит и брат убит,
Другой в плену томится.
А мать все плачет, все скорбит:
Ну, как нам прокормиться?
И мы стоим, молчим стоим,
Мы боль и ненависть таим,
Все знаем, все мы видим —
И ненавидим!

Мы ненавидим прусский дух,
Смесь лжи и пошлых истин,
И, кто на падали разбух,
Орел нам ненавистен!
Он, с треском полетев с гербов,
Оставил нам сирот и вдов.
Как из нужды мы выйдем?
Мы ненавидим!

Признайся, брат, не ты ли сам,
С покорностью бараньей
Служил преступным этим псам
И пал на поле брани?

Нас лихорадит, нас трясет,
Нас только ненависть спасет,
Иль света мы не взвидим.
Мы ненавидим!

Их мало, нам же — несть числа.
Взвей к небу наше знамя!
С земли сметем, сождем дотла
Убийц, кто правил нами!
Во мгле, в грязи, в беде, в крови
Мы не погибли для любви
И клятву в сердце врубим:
Мы любим!

1919

ТРЕТИЙ РЕЙХ

Высокий нужен идеал
тебе, германский муж,
чтоб ты бодрей маршировал,
приняв холодный душ.
Сердца германские зажглись
в восторге небывалом:
мы наконец обзавелись
достойным идеалом.

Первый рейх — ерунда,
рейх второй — ерунда!
Мы ответим:
лафа — только в третьем!

А ну, скорей, а ну, сюда,
в третий рейх, господа!

Мы не хотим быть просто массой,
хотим быть избранною расой,
германской расой, расой рас,
и дух германский прет из нас!
Мы почвенны, а не безродны,
мы больше, чем народ, народны.
Кто в эту истину не вник,
тот пацифист и большевик!
Что? Третий рейх?
Ну, конечно — да!
Пожалте, скорей! Пожалте, сюда,
господа!

В третьем рейхе — сплошное счастье.
Мы вырвем братьев из волчьей пасти,
чтоб поселить среди немцев немецких
немцев саарских и немцев судетских,
немцев балтийских и немцев датских...
И — грянет грохот сапог солдатских!
На мир — плевать! Все мы дышим боем!
Ведь мы без войны ничего не стоим.

Третий рейх нам вроде родного дома,
где все так дорого, так знакомо:
сабля, плетка, розга, указка,
орден, мундир, жандармская каска...
На всей подвластной нам территории
мы вспять повернем колесо истории,

а не повернется история вспять,
мы хором воскликнем: «Отчизна — мать!»

Ну, а перед лицом войны
в третьем рейхе все равны.
Все мы арийцы — кашубы и венды...
Мы делим поровну дивиденды!
Позвольте! А как же тогда пролетарии?!
О! В третьем рейхе они — не парии,
счастливчики бога благодарят
каждое утро
и говорят:
— Хоть мы та же самая серая масса,
все также — ни денег, ни хлеба, ни мяса,
все также нас голод сжирает живьем,
зато мы в третьем рейхе живем.

Итак, процветай, возрожденная нация!

Что это: мистика?
М и с т и ф и к а ц и я !

1933

Иоганнес Р. Бехер

1891—1958

Я — НЕМЕЦ

I

Я — немец. Пусть дозволено глупцам
Меня лишать гражданства в озлобленье.
Я прав своих гражданских не отдам.
И если завтра спросят поколенья:

«Скажите, кто в немыслимые годы
Германию так мучил и давил?» —
Тогда решите вы, сыны народа,
Кто не был немцем и кто немцем был.

Корнями врос я в грунт моей державы
Наперекор кипенью непогод.
Там среди гор, как символ вечной славы,
Высокий дуб над кручею растет.

Надежно защищен корою твердой,
Ветвями раздирая мрак ночной,
Стоит он, несгибаемый и гордый,
Самих небес касаясь головой...

Я — немец. Пусть дозволено глупцам
Меня лишать гражданства в озлобленье.
Не встану перед ними на колени
И прав своих гражданских не отдам!

И знаю — будет лучший день на свете:
Народ проснется, к жизни возрожден.
Растет наш дуб и, устремясь в столетья,
Шумит листвою на ветру времен!

II

Я — немец... Да! В немецкой стороне
Родился я и не скорблю об этом.
Я — немец. И самой судьбою мне
Начертан путь — немецким стать поэтом.

С народом я всю боль его делил,
Тысячелетний гнет, что так огромен.
И не казался, а на деле был
Родной народ трудолюбив и скромн.

И я гордился участью своей!
Растил в народе добрые начала,
Вникая сердцем в суть его речей.
И речь народа, словно песнь, звучала.

Но злобно бушевали вокруг меня
Захватчики, дельцы и шарлатаны.
Они кричали: «Силою огня
Мы, немцы, покорить должны все страны!»

Нет, их за немцев я признать не мог!
И я расстался с их гнездом осиным.
Тому, кто грабит вдоль чужих дорог,
Не буду я вовек согражданином!

Я — немец. Но я знаю: немцем быть —
Не значит в муки повергать полсвета.

От этих немцев мир освободить —
Вот в чем я вижу высший долг поэта.

Мне ваша боль и ненависть ясна,
Вы все, кто стонет под немецким гнетом!
И ненависть и скорбь у нас одна.
Наш общий гнев — к отмщению зовет он!

Запомним преступления врагов,
Единый враг у нас сегодня с вами.
Пусть с вашим зовом мой сольется зов.
Мы вместе плачем общими слезами.

Настанет день, когда и мой народ
Поднимется, чтоб сбросить власть тиранов.
Затем живу, что верю: день придет,
Он засияет — поздно или рано.

И в этот день, который в каждом сне
Нам грезится сквозь мрак и непогоду,
Дано святое право будет мне:
«Я — немец!» — гордо возвестить народу!

ДЕТСКИЕ БАШМАЧКИ ИЗ ЛЮБЛИНА

Средь всех улик в судебном зале
О них ты память сохрани!
Так было. Молча судьи встали,
Когда вступили в зал они.

Шел за свидетелем свидетель,
И суд, казалось, услышал,
Как вдалеке запели дети
Чуть слышно траурный хорал.

Шагали туфельки по залу,
Тянулись лентой в коридор.
И в строгом зале все молчало,
И только пел далекий хор.

Так кто ж им указал дорогу,
Кто это шествие привел?..
Одни еще ходить не могут
И спотыкаются о пол,

Другие выползли из строя,
Чтоб хоть немного отдохнуть
И дальше длинной чередою
Сквозь плач детей продолжить путь...

Своей походкою поспешной
Шли мимо судей башмачки,
Так умилительно потешны,
Так удивительно легки,

Из кожи, бархата и шелка,
В нарядных блестках золотых —
Подарок бабушки на елку,
Сюрприз для маленьких франтих.

Одни сверкают сталью пряжек,
В помпонах ярких... А иным
Был путь далекий слишком тяжек,
И злобно дождь хлестал по ним.

...Мать и ребенок. Вечер зимний.
Витрины светится стекло.

«Ах, мама! Туфельки купи мне!
В них так удобно, так тепло!»

Сказала мать с улыбкой горькой:
«Нет денег. Где мы их найдем?»
И вот несчастные опорки
По залу тащатся с трудом,

Чулочек тянут за собою
И дальше движутся во тьму...
...О, что за шествие такое?
И этот смутный хор к чему?..

Они идут. Не убывает
Неисчислимый, страшный строй.
Я вижу — кукла проплывает,
Как в лодке, в туфельке пустой.

А вот — совсем другая пара,
Когда-то эти башмаки
Гоняли мяч по тротуару
И мчались наперегонки.

Ползет пинетка одиноко —
Не может спутницу найти.
Ведь снег лежал такой глубокий —
Она замерзла на пути.

Вот пара стоптанных сандалий
Вступает тихо в зал суда.
Они промокли и устали,
Но все равно пришли сюда.

Ботинки, туфельки, сапожки
Детей бездомных и больных.
Где эти маленькие ножки?
Босыми кто оставил их?..

Судья прочтет нам акт печальный,
Число погибших назовет.
...А хор далекий, погребальный
Чуть слышно в сумраке поет.

...Бежали немцы на рассвете,
Оставив с обувью мешки.
Мы видим их. Но где же дети?
...И рассказали башмачки.

...Везли нас темные вагоны,
Свистел во мраке паровоз,
Во мгле мелькали перегоны,
Так поезд нас во тьму привез.

Из разных стран сюда свезли нас,
Из многих мест, в короткий срок.
И кое-кто пути не вынес,
И падал, и ходить не мог.

Мать причитала: «Три недели...
Судите сами... путь тяжел...
Они горячего не ели...»
С овчаркой дядя подошел:

«О, сколько прибыло народца!
Сейчас мы вам поесть дадим.
Здесь горевать вам не придется!»
Вздымался в небо черный дым.

«Для вас-то мы и топим печки.
Поди, продрогла детвора?
Не бойтесь, милые овечки,
У нас тут, в Люблине, жара!»

Нас привели к немецкой тете.
Мы встали молча перед ней.
«Сейчас вы, крошки, отдохнете.
Снимите туфельки скорей!»

Ай-ай, зачем же плакать, дети?
Смотрите — скоро над леском
Чудесно солнышко засветит,
и можно бегать босиком.

Ох, будет здесь жара большая...
А ну, в считалочки играть!
Сейчас я вас пересчитаю:
Один. Два. Три. Четыре. Пять...

Не надо, крошки, портить глазки,
Утрите слезки, соловьи.
Я — тетя из немецкой сказки,
Я фея, куколки мои.

Фу, как не стыдно прятать лица!
Вы на колени пали зря.
Встать! Нужно петь, а не молиться!
Горит над Люблином заря!»

Нам песенку она пропела
И снова сосчитала нас,
А в доме, где заря горела,
Нас сосчитали в третий раз.

Вели нас, голых, люди в черном...
И захлебнулся детский крик...
...И в тот же день на пункте сборном
Свалили обувь в грузовик.

Да. Дело шло здесь как по маслу!
Баракы. Вышки. Лагеря.
И круглосуточно не гасла
В печах германская заря...

Когда, восстав из гроба, жертвы
Убийц к ответу призовут,
Те башмачки в отрядах первых
Грозой в Германию войдут.

Как шествие бесчисленных гномов,
Они пройдут во тьме ночей
Из края в край, от дома к дому
И все ж отыщут палачей!

Проникнут в залы и подвалы,
Взберутся вверх, на чердаки...
Убийц железом жуть сковала:
Стоят пред ними башмачки!

И в этот час зарей зажжется
Свет правды над страной моей...
...Хорал печальный раздастся.
Далекий, смутный плач детей.

Лицо убийц открылось людям.
Винных в зверствах суд назвал.
И никогда мы не забудем,
Как башмачки вступили в зал!

ГДЕ БЫЛА ГЕРМАНИЯ?..

Как много их, кто имя «немец» носит
И по-немецки говорит... Но спросят
Когда-нибудь: — Скажите, где была
Германия в ту черную годину?
Пред кем она позорно гнула спину?
Свою судьбу в чьи руки отдала?

Быть может, там, во мгле, она лежала,
Где банда немцев немцев угнетала,
Где немцы, немцам затыкая рот,
Владыками себя провозглашали,
Германию в бесславный бой погнали,
Губя свою страну и свой народ?

Назвать ли тех «Германией» мы вправе,
Кто потянулся к дьявольской отраве,
Кто, опьянев от бешенства и зла,
Нес гибель на штыке невинным детям
И кровью залил мир? И мы ответим:
— О нет, не там Германия была!

Но в камерах, в тюремных казематах,
Где трупы изувеченных, распятых
Безмолвно проклинали палачей,
Где котомщицею призывает жалость, —
ТАМ новая Германия рождалась,
ТАМ билось сердце родины моей!

Оно стучало там, за той стеною,
Где узник сквозь молчанье ледяное

Шагал на плаху, твердый как скала.
В немом страданье матерей немецких,
В тоске по миру, в тихих песнях детских —
О, ТАМ моя Германия была!

Ее мы часто видели воочью,
Она являлась днем, являлась ночью,
Украдкой пробираясь по стране.
Она в глубинах сердца вызревала,
Жалела нас, и с нами горевала,
И нас будила в нашем долгом сне.

Пуškai еще в плену, пускай в оковах,
Она рождалась в наших смутных зовах,
И знали мы, что день такой придет:
По воле пробужденного народа
Восторжествуют правда и свобода
И родину получит мой народ.

Об этом наши предки к нам зывали,
Грядущее звало из дальней дали:
«Вы призваны сорвать покровы тьмы!»
И, неподвластны ненавистной силе,
Германию в себе мы сохранили
И ею были, ею стали — МЫ!

МЫ — СТИХИ — ТАИМ В СЕБЕ ЗАГАДКУ

Мы — стихи — таим в себе загадку,
Пусть она не каждому видна.
Но пришла б поэзия к упадку,
Если б тайну не несла она.

О, не зря стихи таят загадку!..

Все, что подло, низменно и пресно,
Не приемлют строгие стихи.
Но порой и счастье бессловесно
И стихи молитвенно-тихи.

Да, порой и счастье бессловесно...

Мы звучим в торжественном хорале,
Свет скользящий шлем издалека.
И, взвиваясь круто, по спирали,
В бесконечность тянется строка,

Круто поднимаясь по спирали...

Между строк искать разгадку надо,
Не спеша прокладывая путь.
И разгадка будет как награда,
Если ты проникнешь в смысл и в суть.

Мыслью вникни — и постигнешь суть!

То, что не достигнуто доселе,
Завтра ты узнаешь все равно,
А не завтра, так через неделю
Для тебя откроется окно.

Тайну ты раскроешь все равно!

Будут все разгаданы загадки.
Часто сам ты, прячась, входишь в стих
И с самим собой играешь в прятки.
Ты, постигнув стих, себя постиг.

Часто сам ты, прячась, входишь в стих.

Это жизнь тебе откроет тайну,
И стихи должны деяньем стать.
Так смотри не опоздай случайно
Важную загадку разгадать,

Тайну жизни вовремя узнать!

Вникни смело в суть стихотворенья,
И оно, как светоч вековой,
Полное высокого горенья,
Навсегда подружится с тобой,

До конца подружится с тобой,
Полное священного горенья!

Эрих Вайнерт

1890—1953

ИМПЕРСКИЙ ПОЭТ

В архив сдан Гёте, не в почете Шиллер,
Лауреатства Манны лишены.
Зато вчера безвестный Ганс Душилер
Достиг невероятной вышины,
Назначенный «певцом родной страны».

В его стихах грохочет шаг парада.
Грамматикой он их не запяtnал.
Ганс интеллектом сроду не страдал.
Как Вессель, он строчит бандитирады.
В них — кровь и пламя, в них звенит металл...

Не знает Ганс, что значат муки слова —
Слова он в книге фюрера найдет.
К чему сидеть все ночи напролет?
Два пруссаизма вставлены толково —
И вот стихотворение готово.

Он пишет кровью. (Кровь, согласно штата,
От «государства» получает он.)
Гремит строка, взрываясь, как граната,
Он ловко достигает результата,
Сварив рагу из пушек и знамен.

В былые трижды проклятые дни
Канальи, что в редакциях сидели,
Душилера печатать не хотели

И возвращали гению они
Его проникновенные изделия.

А ну, попробуй откажи теперь,
Когда особым фюрерским декретом
Имперским он провозглашен поэтом.
Его отныне новый мерой мерь!
И проникает он в любую дверь.

Ведь никому погибнуть неохота —
Печатают! Невиданный тираж!
И Ганс Душилер входит в дикий раж.
Пропахнув запахом мужского пота,
Его стихи шагают, как пехота.

Там, на Парнасе, прозябает лира.
Душилеру властями отдана,
Свой прежний тон утратила она.
Ах, будь ты первым стихотворцем мира —
Что толку в том? Перед тобой — стена.

Но Ганс Душилер, тот себе живет,
На холм священный взгромоздясь умело.
И лира, что когда-то пела,
Теперь в руках его ревет.
Сидит Душилер, струны ревет.
Душилер знает свое дело.

«СВЕРХЧЕЛОВЕК»

Таможенный чиновник, писарь старший,
Начальник почты, что доселе мог
Распоряжаться разве секретаршей, —
Сейчас герой, хозяин, полубог.

Но пусть пророк наш новоиспеченный
Не мнит, что он владычества достиг, —
Он тот же раб, он тот же подчиненный,
Который жаждет подчинять других.

Он, поднятый к правительственным высям,
Достигший положения князей,
При всем при том отнюдь не независим
И даже рад ничтожности своей.

Иной порядок для него немислим:
Ему во всем приказ необходим.
Должно толчок его делам и мыслям
Давать лицо, стоящее над ним.

Он свято верит в силу дисциплины
И признает религию, любя
Удобнейшего «бога из машины»,
Чтобы свалить ответственность с себя.

Отравлен он мистической отравой,
Опутан предрассудками веков
И потому страшится мысли здравой,
Срывающей с безумия покров.

Но лишь рабы его подвластны воле —
Свободных он не подчинит людей.
Ведь рангом отличаются, не боле,
Сверхчеловек и низменный лакей.

Одна и та же страсть у них от века:
Давить и быть давимым — их закон.
С великим рвением до сверхчеловека
Своим лакейством дослужился он.

ПОПУТЧИК

Итак, это я — господин фон Папен,
Чья совесть без пятен и без царапин.
А что до того, что было тогда,
То я был попутчиком, господа!
Попутчиком маленьким, скромным, уютным.
В их строй занесло меня ветром попутным.
А коль занесло, то я шагал.
Но как я при этом изнемогал!
Ведь выхода не было иного.
Но я не свершил ничего дурного,
Чем отличался от всех остальных...
За что ж я сижу на скамье среди них?!
Лишь фюрер в ином оказался мире,
С меня словно сняли пудовые гири:
Попутчику надо за кем-то идти,
А тут вдруг ни путника, ни пути!
В силу изложенной ситуации
Прошу о скорейшей реабилитации,
Чтоб, доказав свою чистоту,
Я на достойном и скромном посту
Мог применить свои опыт и знания,
Став канцлером новой нацистской Германии.

Луис Фюрнберг

1909—1957

ВСТРЕЧА С РИЛЬКЕ

(Шато де Мюзо-сюр-Сьер)

Знать, что он есть! И что Шато-Мюзо
здесь, на земле, а не в надзвездном царстве!
Скорее в путь! Спеши узреть его:
твоя душа нуждается в лекарстве.
Ты — безымянный, ты — не Валери,
но он приветлив, что ни говори.

И вот уже ты едешь, ты летишь,
терзаешься сомненьями в дороге.
Тебя снедают страхи и тревоги,
ты сам себе с укором говоришь:
«Ничтожество! Опомнись! Он ведь бог!
Постой, тебя не пустят на порог!»

Вокзал... Ты прибыл... Крохотный отель...
Грохочет по булыжнику пролетка...
Вот башня... Вот чугунная решетка...
Еще есть время! Уходи, пока
ты не нажал на пуговку звонка!

Вдруг настежь дверь — и он перед тобой
возник внезапно собственной персоной
С платком на голове... Немного сонный...
«Откуда вы узнали адрес мой?»

Прошу войти...» Взволнованный до слез,
Ты в дом вступаешь сквозь шпалеры роз.

О, этот сумрак!.. О, как сжало грудь!
О, как скрипят проклятые ботинки!
Тяжелый шкаф. Высоких стульев спинки.
Лавандой пахнет в комнатах чуть-чуть.
Простая печь... Кушетка... Чашка чаю...
«Мой старый замок. Здесь я выжидаю...»

И кресло... И хрипящие часы...
И голос, как пропущенный сквозь вату.
Глаза, что для лица великоваты...
Обвислые калмыцкие усы...
Рука-перчатка подбородок трет,
и что-то тихо произносит рот.

Понять бы только! Увезти с собой
хотя б слово! Ты слишком глуп и молод!
Так утоли ж, уйми рассудка голод!
О, как ты щедро награжден судьбой,
как счастлив ты! Ты в доме у него,
и, кроме вас двоих, здесь — никого.

А голос говорит уж час подряд.
Ты в упоенье от его находок.
Глаза, рука-перчатка, подбородок
с ним вместе говорят и говорят.
И вдруг он замечает мимоходом:
«Вы что ж, поэт? Гм... Вы из Праги родом?»

Читать ему стихи?! Я обомлел.
Дойти ли до безумия такого?
Но дальний голос продолжает снова:

«Вы извините... Слишком много дел
скопилось вдруг... Сейчас я очень занят.
И кто в почтовый ящик мой заглянет,

тот изумится: кипы телеграмм
и рукописей тщетно ждут ответа.
Два добрых года бы ушли на это,
когда бы стал читать, признаюсь вам.
К тому ж я болен... Так что не взыщите...
Но вы мне обязательно пишете...

Надеюсь разгрузиться к рождеству...
Да что вы, что вы! Извиненья бросьте...
Напротив, мне приятно видеть гостя —
ведь я почти отшельником живу...
Как ваше имя?.. Вот клочок бумаги...
Счастливым путем до милой, старой Праги!..»

До милой Праги!.. Боже, дай мне сил
сквозь роз благоухание пробиться.
С паломничеством детским распротиться,
Что я так торопливо совершил...

...И мимо роз, сквозь строй благоуханный,
уходит к безмянным Безмянный...

Куба
1914—1967

ПОЙ НА ВЕТРУ!

Пой на ветру
чисто и звонко:
да оградит в колыбели ребенка
наша единая воля к добру!

Зло осуди!
Новое строя,
свежей, как жизнь, родниковой струею
мир, раскаленный от войн, остуди!

Цвесь? Вымирать?
Рваться ли к высям?
Знайте: во всем от себя мы зависим,
все нам сегодня самим выбирать!

Мрак или свет?
Хлеб или камень?
Затхлость ума или разума пламень?..
В каждом поступке таится ответ.

Слышишь во мраке
воплъ Нагасаки,
воплъ Хиросимы,
невыносимый?

— Мы — пепелища,
наши жилища
сделались пищей
всесветного зла.

О, как позорно,
если повторно
гибель над миром раскинет крыла!

Благодаренье
ясности зренья!..
Ночью ли поздней
иль поутру
славь неослепший
разум окрепший,
силу и молодость!..
Пой на ветру!

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Колышется ветка,
качается сад..
Земля наша — в клетку,
наш край — полосат.
Все клетчатое, полосатое,
как
матрац и рубаха, штаны и пиджак.
Четыреста лет мы носили такой
лоскутно-пятнистый наряд шутовской.
От плети помещицый след полосат.
Железные прутья. Тюремный халат.
Жандармская метка горит на спине,
квадратная клетка — в тюремной стене.

Калечат
четыре столетья подряд.
Решетчато-клетчат
немецкий наряд.
Четыре столетья,
четыреста лет —
треххвостую плетью
оставленный след.
Столетья молчанья печальных
могил...
Но вечный молчальник
вдруг заговорил!
Мир мерзости начисто
нами сметен.
Сказало батрачество
юнкерству: — Вон!
Пусть в полосах света,
сердца веселя,
осенняя эта
пестреет земля
и, как от азарта
качаясь, сады
в твой клетчатый фартук
роняют плоды!

* * *

Под сенью ночи черной,
за грозовой стеной,
вновь набухают зерна,
чреватые войной.
Но против черной ночи
на грозных рубежах
стоит народ рабочий
с оружием в руках.

Живи, страна родная!
Тебя мы защитим,
свой дом оберегая
оружием твоим,
озарены рассветным
лучом твоей весны
и знаменем трехцветным
твоим осенены.
Маховики турбины
вращают тяжело.
В труде, в борьбе едины
и город, и село.
И дом наш чист и прочен
затем, что на часах
стоит народ рабочий
с оружием в руках.
В надежной колыбели
мы вынянчили жизнь.
Стремись к высокой цели!
За новое держись!
Как глыбы, дни ворочай,
старья сметая прах!..
Стоит народ рабочий
с оружием в руках!

ХЛЕБ И ВИНО

Вовеки да здравствуют
хлеб и вино!
Пусть каждому многое
будет дано,
чтоб спать безмятежно,
вставать без печали,

а днем чтоб, работая,
не подкачали.

И страха народ
чтоб не знал никогда,
стеклянные строя себе
города.

Всем созданным вами
себя награждайте!
Построили город стеклянный?
Въезжайте!

Да. Все для себя:
И ученье, и стройка,
и хлебопеченье,
и варка, и кройка.

Одеться красиво
и досыта есть —
тут не пострадают
ни скромность, ни честь!

Оружье, чтоб мир защищать,
вручено!
Да здравствует мир!
Славьтесь, хлеб и вино!
Да здравствуют хлеб и вино!

ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ БАЛЛАДЫ «КЛАУС ШТЁРТЕБЕККЕР»

* * *

Был полдень, горяч и удушлив, как смерть,
А к вечеру вдруг началась крутоверть.

Пожар в головах! И сердца горячи!
Зарницы зажглись, застучали мечи.
И ветер со стуком вломился во двор,
чтоб выдуть золу и чтоб вымести сор.
Идет колотьба-молотьба на земле,
а тучи клокочут в небесном котле...
За молнией — гром. Где-то всадники мчат,
в сто тысяч копыт по дорогам стучат,
но спешит тех всадников пеший народ —
и с петель срываются створки ворот.

Эй! Вымети, ветер, былого труху!
Пусть валится наземь, кто был наверху!..
В дому богатея сегодня бедлам:
дубасят дубины по жирным телам.
Замки посшибав, отобрали добро.
Со звоном из окон летит серебро.
Колотят без устали колокола:
«Нам надо, нам надо, чтоб буря была!»

Коль дрожжи положены, тесто взойдет,
затопится печь, коли чист дымоход.
Вы в силу вращения не верите, но —
взгляните, как вертится веретено!
В муку превращают зерно жернова,
в извечном вращенье — закон естества.
Природа сама раскрывает секрет:
живое вращается, мертвое — нет!..

Пусть молот начнет, а кувалда поддаст!
Пусть плуг подымает неведомый пласт!
Мы этим законом должны дорожить:
отшившему — гибнуть, рожденному — жить!

Иоганнес Бобровский
1917—1965

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

(Из книги «Мельница Левина»)

Не во сне, не наяву
В узкой лодочке плыву...
Ничего себе челночек!
На груди моей веночек,
Не покрыта голова.
Слышу скорбные слова.
А друзья идут за мною —
 На трубе один играет,
 Дует в дудочку другой.
Кто-то слезы утирает:
Со святыми упокой!
Я плыву в дубовой лодке —
Путь не дальний, а короткий,
И народ галдит вокруг:
— Дело кончено! Каюк!

На суку вороны кричат:
— Пусть его скорей упрячут!
Пусть уткнут его в песок!
Мы возьмем его веночек! —
Но друзья идут за мною —
 На трубе один играет,
 Дует в дудочку другой.
Кто-то слезы утирает:
Со святыми упокой!

В путь недалёкий, в путь короткий
Я плыву в дубовой лодке...
Ах, уже недолго плыть!
Что напрасно слезы лить?..

Скоро, скоро я причалю,
Мертвый, скрученный печалью.
Вот и кончено мое
Горемычное житье!
Так плыву я под луною,
А друзья идут за мною —
 На трубе один играет,
 Дует в дудочку другой.

И кладут меня в могилу
С непокрытой головой.
Я лежу в песок зарытый,
С головою непокрытой,
Заперт в темный теремок.
На груди моей венок.

Стефан Хермлин
род. 1915

**БАЛЛАДА ВСЕМ ДОБРЫМ ЛЮДЯМ,
ЧТОБ ПЕТЬ ЕЕ НА ПЛОЩАДЯХ**

Страна — сплошной предсмертный хрип.
В прудах отравлена вода.
Не молкнет виселицы скрип.
Разбиты в щебень города.
И медный ангел в поздний час
Кричит на кладбище в тени.
И кровь невинных будит нас:
«Вервольфу голову сверни!»

Нас не сочтешь, а он один,
Но он еще пирует тут.
Сосед, ты знаешь, где твой сын?
В болоте косточки гниют...
В полях — бездомные стада,
В лесах — обугленные пни.
И жертвы требуют суда:
«Вервольфу голову сверни!»

Один сгубить он рад нас всех.
Вломилось горе в жизнь мою.
На что мне травы, солнце, смех?
Я только ненависть пою.
Вся боль, вся горечь этих лет
Взывают к совести моей.

Пощады оборотню нет!
Убей его! Убей! Убей!

Ах, слишком долго среди нас
Он безнаказанный бродил.
Он ослепил мильоны глаз,
Сердца отравой напоил.
Знак волка на твоей двери,
Но ты душой не оробей.
Вставай! Оружие бери!
Убей его! Убей! Убей!

Мертва неубранная рожь,
Во всем селе дворы пусты.
Стань ураганом! Уничтожь
Вервольфа-оборотня ты!
Нам смерть не смерть и страх не страх,
Покуда не изловлен зверь.
За смерть на дыбах, на кострах
Ты полной мерою отмерь!

За волка глупо умирать.
Жить без него куда умней.
Он от погони рад удрать,
В подполье прячется, злодей.
Раскрой глаза! Узнай его!
Речам обманщиков не верь!
За стыд паденья твоего
Ты полной мерою отмерь!

Хватайте вилы, топоры,
Срывайте ружья со стены,
Как люди той, иной поры,
Крестьянской праведной войны.

Сам Томас Мюнцер, говорят,
Пришел сюда, друзей зовет:
«Трави убийцу! Бей в набат,
Чтоб ты не плакал, мой народ!»

Вервольф раскладывал костры
Из драгоценных наших книг,
Раствитель он твоей сестры,
Он задушил детей твоих.
Он Штауфенберга взял у нас,
Ион Шер расстрелян им... Но вот
Пришел, пришел расплаты час.
Чтоб ты не плакал, мой народ!

Припомни все его дела!
Бери злодея в оборот!
«Катюша» песню завела.
Чтоб ты не плакал, мой народ!
В грядущий день раскрыта дверь,
С любовью ненависть сомкни
И полной мерою отмерь!
Вервольфу голову сверни!

ПЕПЕЛ БИРКЕНАУ

Как ветер, как рой насекомых,
Как свежий ночной холодок,
Как облаков невесомых
Густой предрассветный поток,
Как скудная пища больного,
Как бабочки легкой пыльца,
Как в песне случайное слово,
Как снег на губах мертвеца,

Как в зыбкой воде отраженьё
Мерцания звездных лучей,
Легко, невесомо забвеньё,
Как облако или ручей...

Над ржавою гнилью оврага
В смещении света и мглы,
Как клочья истлевшего флага,
Взметаются хлопья золы.
На трактах, телами мощенных,
Господствует чертополох.
Но в пепле неотомщенных
Отмщенья огонь не заглох.
Чтоб мы, вспоминая о прошлом,
Очистились в этом огне,
Земля, прилипая к подошвам:
«Запомни!» — зовет ко мне...

Как слово прощанья, прощенья,
Как тяжесть чугунной плиты,
Как накануне решенья
Внезапный прилив немоты,
Так тяжело воспоминанье
О них, кого больше нет...
Погибшие в газовой бане
Любили любовь и рассвет,
Стихи и ночные аллеи,
Где слышен дроздов разговор,
О память! Она тяжелее
Громоздких гранитных гор...

Но тех, кто хранит эту п а м я т ь , —
Их много, им нет числа.
Та память убийц достанет
Из всех нор, из любого угла.

Серый пепел витает над нами,
Мечется ветер сквозной,
Серыми семенами
Засеяв простор земной,
Чтоб внукам в предостереженье
Посев тот однажды взошел,
Чтоб легок он был, как забвенье,
Как память людская, тяжел.
Чтоб, глядя на эти всходы,
Мильоны людей земли
Во имя любви и свободы
От гибели мир берегли.
Ведь те, кто поверил в надежду,
Не устроятся гроз.
В зеленую чудо-одежду
Рядятся ветви берез.

И голуби — шумные звенья —
Плывут над холмами золы,
Легки, как людское забвенье,
Как память людей, тяжелы.

*Освенцим — Биркенау,
лето 1949 года*

БАЛЛАДА О ДАМЕ НАДЕЖДЕ *

Хозяйка сна, подруга эшафота,
Предсмертный хрип, веселая сестра
Голодных толп, наркоз, полудремота,

* Баллада написана в манере и по мотивам Франсуа Вийона. — *Прим. автора.*

Сиделка возле смертного одра,
Последний хворост в пламени костра;
Когда сердца дрожат в ознобе страха
(Чадит заря, а на рассвете — плаха),
Тогда деревенеющий язык
Зовет тебя, магическая пряжа,
Надежда — королева горемык.

В дремучем мире дьяволов и змей
Ты призрачна, светла и невесома.
Прислушалась ты к жалобе моей:
Двенадцать бьет, полночная истома...
Я за тобой из города, из дома
В багровую безбрежность побреду.
Прости... Ты знаешь: я попал в беду,
Распят и колесован... В смертный миг
Приди, прильни ко мне... В жару, в бреду...
Надежда — королева горемык.

Ты в жажде — утоление желанья,
Ключ — пред тобой раскроется стена.
Святая смесь предчувствия и знанья.
Убита вера, правда казнена.
Ты ненавидишь, ты любви полна.
Ты, нищенка, гонимая жестоко,
Вдруг вспыхнешь красным заревом с востока,
И будит спящих петушиный крик.
То пропадешь, то вынырнешь до срока,
Надежда — королева горемык.
Тебе мы служим верно, без упрека.
Ты — лед. Ты — пламень, ты горишь высоко.

Посылка

Ты — прошлое. Ты — будущего лик...
Ручей, в пустыне спрятанный глубоко,
Надежда — королева горемык.

СОДЕРЖАНИЕ

Маргарита Алигер. Предисловие	5
---	---

ИЗ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ КНИГИ «ЛИРИКА ВАГАНТОВ»

Орден вагантов	15
Нищий студент	19
Прощание со Швабией	20
Монахиня	23
Выходи в привольный мир!	23
Кабацкое житье	25
Разговор с плащом	27
Стареющий вагант	28
Колесо Фортуны	29
Исповедь архипиита Кёльнского	30

ИЗ КНИГИ «НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ»

Крестьянин и рыцарь	35
Улинггер	36
Крысолов из Гамельна	41

Баллада о Генрихе Льеве	42
Про воду и про вино	45
Линденшмидт	47
Королевские дети	50
Лилофея	53
Пилигрим и набожная дама	56
Господин фон Фалькенштейн	57
Беглый монах	59
Портной в аду	60
Проданная мельничиха	62
Хозяин и подмастерье	65
Была б ты немного богаче...	66
Вейнсбергские жены	68
Путаница	71

ИЗ КНИГИ «СТРАНИЦЫ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ»

Детский фольклор

Старые знакомые	73
---------------------------	----

«Напевы немецкой шарманки»

Ужасающее убийство	76
Разбойничья песня	78
Возвращение из Китая	79

«Чудо техники»

Баллада о докторе Гильотене	82
Телефонная серенада	83
Неудавшееся покушение на русского царя	84
«Цеппелин»	86

СТИХИ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ

Автор неизвестен

Вечность 91

Мартин Опиц

Образец сонета 93

Пресыщение ученостью 93

Прогулка 95

Слово утешения среди бедствий войны 95

«Любовь моя, не медли...» 97

«Среди множества скорбей...» 98

Роберт Робертин

Весенняя песня 99

Фридрих Логау

Изречения и эпиграммы 101

Пауль Гергардт

Ода в честь провозглашения мира 103

Иоганн Рист

Вечность 106

Пауль Флеминг

К самому себе 108

Размышления о времени 108

Озарение 109

Как бы он хотел, чтоб его целовали 110

Новогодняя ода 1633 111

Великому городу Москве, в день расставания 112

Эпитафия господина Пауля Флеминга 113

Андреас Чернинг	
Девушке, выходящей замуж за старика	114
Иоганн Клай	
Праздничный фейерверк по случаю рождения мира	116
Андреас Грифиус	
Слезы отечества, год 1636	117
Величие и ничтожество языка	117
Заблудшие	118
Сонет надежды	119
Все бренно	120
Одиночество	120
К накрашенной	121
Свадьба зимой	122
Последний сонет	122
Христиан Гофмансвальдау	
Исповедь гусяного пера	124
Утренняя песня	124
Предостережение	125
Сладострастье	126
Ангелус Силезиус	
Изречения	128
Зигмунд фон Биркен	
Мир говорит	130
Осенняя песнь Флоридана	131
Катерина Регина Грейфенберг	
К ночи	133

Даниэль Каспер Лоэнштейн	
Лабиринт	135
Христиан Вайзе	
Благие мысли при восхождении по лестнице	136
Абрагам А Санта Клара	
Ночные музыканты	137
Иоганн Христиан Гюнтер	
Студенческая песня	139
«Ужель, прелестница младая...»	140
«Терпимость, совестливость...»	141
К отечеству	144
При вручении ей перстня с изображением черепа	146
Иоганн Вольфганг Гёте	
Апофеоз художника	148
Параболы и эпиграммы	160
Фридрих Шиллер	
Колесница Венеры	162
Вырезвление Бахуса	171
Мужицкая серенада	173
Достоинство мужчины	175
Мудрецы	178
Раздел земли	180
Солдатская песня	181
Адельберт Шамиссо	
Игрушка великанши	183
Король жил на севере диком...	185
Уж так на свете повелось...	186

Генрих Гейне

Жалоба старонемецкого юноши	187
Рампсент	187
Мария-Антуанетта	190
Валькирии	192
Семейное счастье	194
«Юноша девушку любит...»	194
Оглядка	194

Георг Гейм

Россия	196
------------------	-----

Иоахим Рингельнац

Робкое слово	197
------------------------	-----

Курт Тухольский

Пять лет спустя	200
Третий рейх	201

Иоганнес Р. Бехер

Я — немец	204
Детские башмачки из Люблина	206
Где была Германия?	212
Мы — стихи — таим в себе загадку	213

Эрих Вайнерт

Имперский поэт	216
«Сверхчеловек»	217
Попутчик	219

Луис Фюрнберг

Встреча с Рильке	220
----------------------------	-----

Куба

Пой на ветру!	223
Крестьянская песня	224
«Под сенью ночи черной...»	225
Хлеб и вино	226
Из драматической баллады «Клаус Штёртебеккер»	227

Иоганнес Бобровский

Похоронная песня	229
------------------	-----

Стефан Херmlin

Баллада всем добрым людям, чтоб петь ее на площадях	231
Пепел Биркенау	233
Баллада о даме Надежде	235

Лев ГИНЗБУРГ
«КОЛЕСО ФОРТУНЫ»

Редактор *А. А. Смирнова*
Художественный редактор *А. П. Купцов*
Технические редакторы *В. П. Перминова,*
С. Л. Рябинина
Корректор *Н. Е. Ужтупене*

Сдано в производство 10/VI-1975 г.
Подписано к печати 26/XII-1975 г.
Бумага тип. № 1, 70x108^{1/32}. Бум. л. 3^{7/8}.
Печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 8,61. Изд. № 18004
Цена 1 р. 11 к. Заказ 6857. Тираж 10 000.

Издательство «Прогресс»
Государственного комитета
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21
Московская типография № 5
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, Мало-Московская, 21